

ОТДЕЛ V

ХРОНИКА И ОТЧЕТЫ

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ АКАДЕМИИ ЗА 2006/2007 УЧЕБНЫЙ ГОД: ОТЗЫВЫ НА КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ СОВЕТА МДАИС
ОТ 29 ДЕКАБРЯ 2006 ГОДА

Слушали:

Сообщение секретаря Ученого совета доцента протоиерея Павла Великанова о состоявшихся защитах кандидатских диссертаций и дипломных работ.

В отчетном периоде было проведено четыре защиты кандидатских и дипломных работ выпускников Академии и Семинарии. 25 сентября 2006 г. состоялась успешная защита магистерской диссертации прот. Николая Балашова. 31 октября прошла предпоследняя защита кандидатских диссертаций по старому образцу. Свои кандидатские и дипломные работы защищали выпускники как очного отделения Академии, так и заочного.

Защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия выпускники очного и заочного отделений Академии:

1. Бырлэдяну Геннадий, иерей (по кафедре Библистики на тему: «Труды М. Д. Муретова в области истолкования Священного Писания Нового Завета»);
2. Василий (Кулаков), игумен (по кафедре Богословия на тему: «Монашеский подвиг по учению святителя Игнатия Брянчанинова»);
3. Даниил (Бушуев), иеромонах (по кафедре Церковной истории на тему: «Антиохийская Православная Церковь в V–VII веках»);

4. Дроздов Евгений, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Религиозно-эстетическая проблематика в трудах Института им. Н. П. Кондакова»);

5. Евтушик Сергей, диакон (по кафедре Церковной истории на тему: «Богослужбная реформа в Католической Церкви после II Ватиканского Собора»);

6. Колодезный Елевферий, протоиерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Бывший архиерейский дом (кремль) в Ростове Великом: история, архитектура, святыни»);

7. Сергей (Воронков), игумен (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Успенский собор Иосифо-Волоцкого монастыря»);

8. Сирин Александр, иерей (по кафедре Филологии на тему: «Агиографические труды свт. Гермогена, Патриарха Московского и всея Руси»);

9. Суворов Вадим, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Новейшие документы РПЦ и РКЦ по вопросам границ Церкви и церковного единства»);

10. Твердохлебов Александр (по кафедре Богословия на тему: «Умное делание в духовном опыте русских подвижников XVIII–XX веков и Святоотеческая традиция»);

11. Щелоков Илья (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Богослужбно-певческие традиции Большого Московского Успенского собора»);

12. Яковлевич Александр (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «История, архитектура и иконопись монастыря Студеница»);

13. Ярема Ростислав, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «Государственно-церковные отношения и Львовский Собор 1946 года»).

Не защитили кандидатские диссертации:

1. Страхов Анатолий, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Нравственные задачи Церкви в трудах Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I»);

2. Штурбабин Сергей, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «История католицизма в Нижнем Поволжье»).

Статус дипломной был присвоен работе иеромонаха Макария (Лошкарева) (по кафедре Церковной истории на тему: «Католическая церковь в СССР (РФ после 1988 г.)»).

Защита кандидатской работы игумена Иоанна (Руденко) (по кафедре Богословия на тему: «Религиозно-нравственные воззрения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического») была признана успешной при условии изменения темы.

Защита кандидатской работы выпускника Академии Сектора заочного обучения Хотеева Александра решением комиссии была перенесена в связи с необходимостью внесения ряда изменений в представленный труд.

Успешно защитили дипломные работы выпускники Академии Сектора заочного отделения и экстерната:

1. Валяшкин Евгений, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Пастырь как совершитель богослужения»);

2. Игнатий (Пунин), епископ (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Дискуссия о воспитанности в России»);

3. Иноземцев Александр, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Обзор статей о богослужении по “Журналу Московской Патриархии” за период с 1974 по 1994 годы»);

4. Куксов Михаил, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Территориальный принцип церковного устройства. Канонические основания»);

5. Нил (Подобед), иеромонах (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Богоявленский Кутеинский мужской монастырь Витебской епархии (история, архитектура, святыни)»);

6. Растопчин Дионисий, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Жизнь и пастырское служение протоиерея Родиона Путятина (по рукописному наследию)»);

7. Усольцев Дмитрий, иерей (по кафедре Богословия на тему: «82-е правило Трульского Собора и его значение в иконографии»);

8. Трофим (Ячник), иеродиакон (по кафедре Богословия на тему: «Душепопечительство преподобного Амвросия Оптинского»).

Дипломную работу Семинарии защитили:

1. Сафонов Д. В., преподаватель МДАиС (по кафедре Церковной истории на тему: «Патриаршая Церковь и обновленческий раскол в 1922–1925 гг.»);

2. Пустовит Денис (по кафедре Филологии на тему: «Восточные послания папы Льва IX: перевод с латинского и комментарии»).

27 ноября 2006 г. дипломную работу защитил выпускник Семинарии 2005/2006 уч. г.:

Лобановский Максим (по кафедре Богословия на тему: «Критика католической сотериологии в сочинениях патриарха Сергия (Страгородского)»).

30 ноября 2006 г. кандидатские диссертации защитили выпускники Академии 2005/2006 уч. г.:

1. Войцешук Христофор, представитель Польской Православной Церкви (по кафедре Богословия на тему: «Тема бессмертия души в трактате свт. Григория Нисского “Диалог с сестрой Макриной” и диалоге Платона “Федон”»);

2. Романов Роман (по кафедре Богословия на тему: «Аскетические аспекты антропологии преподобного Максима Исповедника»).

Решением Диссертационного совета была отправлена на доработку кандидатская диссертация представителя Сербской Православной Церкви Максимовича Драгана (по кафедре Богословия на тему: «Святой Савва Сербский и становление богословия в Сербии с XIII по XV в.»).

Защитили дипломные работы выпускники экстерната Семинарии 2005/2006 уч. г.:

1. Кессель Григорий (по кафедре Филологии на тему: «“Послание” монаха Фомы: критическое издание сирийского текста, перевод, исторический комментарий»);

2. Черняев Илья (по кафедре Церковной истории на тему: «Отношение свт. Тихона, Патриарха Всероссийского, к советской власти с 1917 по 1925 г.»).

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ СОВЕТА МДАИС
ОТ 13 ИЮНЯ 2007 ГОДА

Слушали:

Сообщение секретаря Ученого совета доцента протоиерея Павла Великанова о заседаниях Ученого Совета, а также о защите кандидатских диссертаций и дипломных работ выпускниками Академии и защите дипломных работ выпускниками Семинарии.

27 января 2007 г. дипломную работу защитил выпускник Семинарии 2005/2006 уч. г.:

Варнава (Лосев), иером. (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Святой праведный Иоанн Кронштадтский как миссионер»).

Защита дипломных работ выпускников Семинарии 2006/2007 уч. г. состоялась 10 мая. Всего по Семинарии было защищено 32 дипломные работы.

Защитили дипломные работы выпускники очного отделения Семинарии, а также выпускники прошлых лет:

1. Аксютин Юрий, послушник (по кафедре Библистики на тему: «Архиепископ Агафангел (Соловьев) как библеист»);

2. Артемкин Дмитрий, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Учение прп. Феодора Студита о почитании икон»);
3. Беломоин Вадим, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Вопросы государственной регистрации православных религиозных организаций на современном этапе»);
4. Благов Дмитрий, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Путь спасения по творениям свт. Феофана Затворника: “Путь ко спасению”, “Начертание христианского нравоучения”, “Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться”»);
5. Боданов Михаил, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Имущественные права РПЦ в соответствии с ныне действующим правом РФ»);
6. Веприс Игорь, чтец (по кафедре Библистики на тему: «Основные принципы экзегетических концепций Александрийской и Антиохийской школ христианского богословия. Сравнительный анализ»);
7. Волковинский Святослав, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Жизненный путь и церковно-музыкальное наследие иеромонаха Троице-Сергиевой Лавры Нафанаила (Бочкало)»);
8. Дидорчук Роман, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «История Православия в Австралии и Новой Зеландии»);
9. Диц Томас (Фома), диакон (по кафедре Богословия на тему: «Евхаристическая экклезиология» прот. Николая Афанасьева: достоинства и недостатки»);
10. Дмитриев Юрий, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «Происхождение и развитие теории “Москва — третий Рим” в XV — первой половине XVI в.»);
11. Дружинин Александр, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Обзор источников права Русской Православной Церкви (1917–1990 гг.)»);
12. Ерышев Семен, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Православная миссия на Тайване. История, современность, перспективы»);
13. Забелин Алексей, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Особенности ведения диспута мусульманами в антихристианской полемике»);

14. Зайцев Виктор, диакон (по кафедре Филологии на тему: «Комментированный перевод экзегетических творений св. Ипполита Римского»);

15. Кечкин Иван, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Перевод первой и второй книги сочинения “Против донатиста Пармениана” (Adversus Parmenianum Donatistam) св. Опгата, епископа Милевийского»);

16. Кожевников Иван, чтец (по кафедре Библистики на тему: «Евангелие от Матфея в трудах Н. Н. Глубоковского»);

17. Коробейников Михаил, чтец (по кафедре Филологии на тему: «Трактат “О православной вере” (“De fide orthodoxa”) свт. Григория Эльвирского (опыт перевода)»);

18. Кудрячов Леонид, чтец (по кафедре Филологии на тему: «J. Quasten, Patrology: перевод первых двух разделов IV тома, посвященного «золотому веку» латинской патристической письменности»);

19. Лазурченко Иван, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Антидокетическая полемика восточных и западных отцов и церковных писателей II–V вв. История, богословские основания и аргументация»);

20. Людоговский Федор (по кафедре Филологии на тему: «Лексико-синтаксическая специфика построения церковно-славянских акафистов»);

21. Мудрак Максим, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Христология свт. Григория Богослова по письмам к пресвитеру Климению»);

22. Мухин Дионисий, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «История Гефсиманского Черниговского скита при Свято-Троицкой Сергиевой лавре»);

23. Попов Дионисий, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Понятие греха в богословских воззрениях свт. Григория Нисского»);

24. Романов Юрий, диакон (по кафедре Богословия на тему: «Эстетические воззрения И. А. Ильина»);

25. Себелев Сергей, диакон (по кафедре Богословия на тему: «Прп. Симеон Новый Богослов об обожении человека»);

26. Семенов Алексей, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Взаимоотношения Церкви и государства в эпоху правления императора Александра I (1801–1825 гг.)»);

27. Смирнов Роман, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Страдания и смерть Иисуса Христа по песнопениям Страстной седмицы»);

28. Солодов Николай, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Богословие и естествознание в Западной церкви в XIII–XIV веках»);

29. Сурков Павел, диакон (по кафедре Филологии на тему: «Перевод с латинского языка трактата “О таинстве Воплощения Господня” (De incarnationis Dominicae sacramento) свт. Амвросия, еп. Медиоланского»);

30. Тарасов Иван, чтец (по кафедре Библистики на тему: «Евангельское учение о браке и девстве»);

31. Шебуренков Сергей, диакон (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Церковный композитор протоиерей Димитрий Васильевич Аллеманов. Жизненный путь и труды»);

32. Шестопалов Александр, чтец (по кафедре Библистики на тему: «Д. П. Боголепов как экзегет Четвероевангелия»).

Удостоены степени кандидата богословия выпускники Академии прошлых лет:

1. Бабичев Виталий, иерей (по кафедре Библистики на тему: «Сравнительный анализ Священного Писания Ветхого Завета и шумеро-аккадской литературы»);

2. Гедеон (Губка), игумен (по Церковно-практической кафедре на тему: «Подольные храмы Троице-Сергиевой Лавры (история, архитектура, святыни)»);

3. Зуевский Андрей, иерей (по кафедре Библистики на тему: «Экзегеза Нового Завета в творениях Дидима Слепца»);

4. Лопатко Димитрий, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Философская антропология С. Л. Франка»);

5. Родин Вадим, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Религиозно-нравственные воззрения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического»).

Защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата богословия выпускники Академии по Сектору заочного обучения:

1. Майоров Дмитрий, чтец (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Естественнонаучная апологетика в школе как компонент христианского свидетельства»);

2. Моисеев Дмитрий, протоиерей (по кафедре Богословия на тему: «Оценка мистического опыта святых Римско-католической Церкви в русской религиозно-философской, духовно-аскетической и богословской литературе»);

3. Моничев Дмитрий, протоиерей (по кафедре Богословия на тему: «Аксиологическая оценка основных аспектов православно-христианского благочестия»);

4. Пасанаев Евгений (по кафедре Церковной истории на тему: «История христианского просвещения Марийского края в XX в.»);

5. Пивоваров Владимир, протоиерей (по кафедре Богословия на тему: «Концепция православной культуры в работах И. А. Ильина»);

6. Савва (Михеев), иеромонах (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Спасо-Яковлевский Дмитриев монастырь Ярославской епархии (история, архитектура, святыни)»);

7. Симонов Владимир, протоиерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Преображенский (Троицкий) храм с. Большие Вяземы. Опыт церковно-археологического исследования»);

8. Страхов Анатолий, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Нравственные задачи Церкви в трудах Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия I»);

9. Штурбабин Сергей, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «История католицизма в Нижнем Поволжье»).

Не защитил диссертацию:

Симон (Морозов), иеромонах (по кафедре Церковной истории на тему: «Первый период патриаршества свт. Фотия в оценке Ф. М. Россейкина и Фр. Дворника (критический анализ)»).

23 мая 2007 г. дипломные работы защитили выпускники Сектора заочного обучения:

1. Бунтилов Михаил, иерей (по кафедре Церковной истории на тему: «Святейший Патриарх Московский и всея Руси Сергей и его церковно-каноническая деятельность»);

2. Ферапонт (Кашин), игумен (по кафедре Церковной истории на тему: «Иаково-Железоборовский монастырь: опыт церковно-археологического исследования (история, архитектура, святыни)»);

3. Мищенко Максим, чтец (по кафедре Богословия на тему: «Этика постиндустриального общества в трудах Жана Бодриера»);

4. Сапсай Евгений, протоиерей (по кафедре Церковной истории на тему: «Проблема грузинской автокефалии в церковной и светской публицистике начала XX века»);

5. Стеняев Олег, протоиерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Реабилитация лиц, пострадавших от деятельности нетрадиционных религий»);

6. Студентов Артемий, протоиерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Детский нравственно-патриотический центр благочиния»).

Не защитил дипломную работу:

Сиротин Алексей, иерей (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Правосубъектность Церкви в системе российского права»).

Выпускники 3 курса Академии подали на предзащиту 19 кандидатских диссертаций, из которых 5 работ были допущены к июньской защите, большая часть работ была отправлена на доработку и защиту осенью. Несколько работ были признаны несоответствующими требованиям и нуждающимися в существенной переработке. Кафедра Церковно-практических дисциплин обнаружила плагиат в работе Бронислава Петровича, представителя Сербской Православной Церкви.

ОТДЕЛ V. ХРОНИКА И ОТЧЕТЫ

7 июня состоялось заседание Диссертационного совета, на котором были успешно защищены 4 работы:

1. Мумриков Олег, иерей (по кафедре Богословия на тему: «Происхождение человека: библейско-святоотеческое учение и современные антропологические исследования»);

2. Митрович Миладин (по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Литургическая традиция монастыря Хилендар»);

3. Максимович Драган (по кафедре Церковной истории на тему: «Святой Савва Сербский и становление богословия в Сербии с XIII по XV в.»);

4. Налапко Артемий, чтец (по кафедре Церковной истории на тему: «Образ свт. Филарета (Дроздова) в его эпистолярном наследии»).

Не защитился:

Тешич Александр (по кафедре Богословия на тему: «Анализ работы епископа Никодима Милаша “Правда Православия”»).

ПРОТОКОЛ МАГИСТЕРСКОГО ДИСПУТА ПО
ДИССЕРТАЦИИ ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ БАЛАШОВА,
ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
МАГИСТРА БОГОСЛОВИЯ НА ТЕМУ: «НА ПУТИ К
ЛИТУРГИЧЕСКОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ. ДИСКУССИИ
ПО ЛИТУРГИЧЕСКИМ ВОПРОСАМ НА ПОМЕСТНОМ
СОБОРЕ ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ 1917–
1918 ГОДОВ И ПРЕДСОБОРНЫЙ ПЕРИОД»

Под председательством ректора Московской духовной академии и семинарии, Председателя Учебного комитета при Священном Синоде Русской Православной Церкви, профессора Архиепископа Верейского ЕВГЕНИЯ присутствовали представители администрации Академии, заведующие кафедрами, три заслуженных профессора, пять профессоров, пять доцентов.

ОТЗЫВ официального оппонента профессора протоиерея Владислава ЦЫПИНА

Темой диссертации является обсуждение богослужебных вопросов на Поместном Соборе 1917–1918 г. Поскольку на своих пленарных заседаниях Поместный Собор принял лишь ряд частных решений, касающихся богослужения, но дискуссия по литургической тематике, состоявшаяся в Богослужебном отделе Собора, была чрезвычайно содержательной, внимание диссертанта главным образом и сосредоточено на ходе дискуссии, которая велась в этом отделе. В то же время богослужебные темы обсуждались в церковной печати в предсоборное время, главным образом начиная с 1905 г.; им уделено значительное место в «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе», напечатанных в 1906 г. Поэтому в диссертацию прот. Николая Балашова включен аналитический обзор предсоборной дискуссии по богослужебным вопросам. Круг богослужебных тем, которые обсуждались до Собора 1917–1918 г. и на самом Соборе, отразился в

названиях отдельных глав диссертации. Так, 2-я глава называется «Вопрос о богослужебном языке», 4-я — «Исправление богослужебных книг», 5-я — «Упорядочение богослужебного устава», 6-я — «Совершение Божественной Литургии»; 7-я — «Богослужения Тřebника»; 8-я — «Молитвенные тексты, смущающие совесть молящихся», 9-я — «Богослужебное творчество». Автор рецензируемой диссертации обстоятельно и вполне корректно воспроизводит основные идеи и предложения участников предсоборной и соборной дискуссии, не уклоняясь от выражения собственной позиции, но при этом и не впадая в дурную тенденциозность, не замалчивая и не искажая аргументы тех, кто придерживался точки зрения, не разделяемой диссертантом.

Таким образом, работа прот. Николая Балашова при изрядной полноте фактического материала отличается также взвешенностью оценок, научной объективностью.

Для написания рецензируемой монографии диссертанту потребовалось проделать большую исследовательскую работу архивного характера, поскольку основные материалы его труда — протоколы заседаний Богослужебного отдела Собора 1917–1918 гг. — не опубликованы, а также ознакомиться с массой книг, журнальных и газетных публикаций; в его труде учтены также отечественные и зарубежные исследования по избранной им теме, по меньшей мере по состоянию на конец 1990-х гг., — публикация монографии состоялась в 2001 г. Список использованных архивных материалов включает 81 наименование, а перечень литературных источников — 547 пронумерованных публикаций и еще несколько дополнительно приведенных изданий, которые были использованы автором для установления биографических сведений.

Идеи, выраженные в ходе предсоборной и соборной дискуссий, диссертант не без оснований считает сохранившими свою актуальность; он сопоставляет их с реальным состоянием богослужения в храмах Русской Православной Церкви в наше время, с теми мыслями, которые высказывались в ходе острой полемики по литургической тематике, имевшей место в 1990-е гг., главным образом по вопросу об уместности и целесообразности использования в богослужении современного русского языка вместо церковнославянского.

Жанр рецензии требует критических замечаний. У рецензента нет существенных возражений по содержанию диссертации с точки зрения научной корректности и полноты исследования темы. Можно только отметить, что элемент публицистичности, присущий этой работе и представляющий собой скорее достоинство, чем недостаток, если речь идет о книге, публикация которой рассчитана на относительно широкий круг церковных читателей, не привычен для диссертаций; а эта публицистичность выразилась и в хлесткости названий некоторых разделов, например, «Лучше мало, да хорошо, чем много — да безалаберно», или «Есть ли пятна на солнце».

Кроме того, автор рецензии, не считая позицию диссертанта ни легкой, ни лишенной оснований, в то же время придерживается иных взглядов по некоторым из обсуждаемых в рецензируемой диссертации вопросами. Что касается исторических оценок, то рецензенту связь между дореволюционным обновленчеством и обновленческим расколом, учиненным церковными авантюристами в 1922 г., при всей ее проблематичности, представляется все-таки более реальной, чем она представлена в диссертации. Кроме того, у рецензента более осторожное и более скептическое, чем у диссертанта, отношение как к целесообразности, так и, еще более, к реализуемости литургических реформ, включая и те, что связаны с языком богослужения, с переводом богослужебных текстов на русский язык или даже только с их глубокой модернизацией.

Но повторю сказанное выше: диссертант корректно и с необходимой полнотой излагает доводы тех участников предсоборной, соборной и послесоборной дискуссий, взгляды которых он не разделяет.

В целом представленная к защите работа, бесспорно, соответствует по своему научному уровню тем требованиям, которые предъявляются к магистерским диссертациям, и ее автор заслуживает присвоения ему степени магистра богословия.

ОТЗЫВ официального оппонента профессора А. М. ПЕНТКОВСКОГО

Диссертация протоиерея Николая Балашова посвящена изучению одного из наиболее интересных вопросов в истории Русской Право-

славной Церкви и наиболее важных для исторической литургики — вопроса, связанного с оценкой современной литургической практики и принципами ее упорядочивания и внесения изменений, т. е. с различными аспектами реформирования существующего богослужения, рассматривавшимися в начале XX столетия в предсоборный период и на заседаниях соборных структур. Материалы, собранные и проанализированные исследователем, хорошо известны тем, кто неравнодушно относится к современному богослужению, так как в основе рассматриваемой диссертации лежит книга, опубликованная еще в 2001 г.

Диссертация состоит из введения, основной части, состоящей из десяти глав различного объема и значимости, краткого заключения, за которым следуют список архивных источников и список опубликованных источников и использованной литературы.

Во введении (с. 2—11) определена задача исследования, которая состоит в том, чтобы «проанализировать и представить в доступной для использования форме материалы литургических дискуссий начала XX века». Автор справедливо полагает, что «внимательное изучение предреволюционного наследия нашей Церкви является неотъемлемым условием возрождения творческого отношения к дальнейшему развитию литургической культуры и практики», что во многом определяет и церковную актуальность предпринятого исследования. Хронологические рамки исследования ограничены 1905—1918 гг., а его источниковую базу составляют архивные материалы, многие из которых впервые введены в научный оборот, а также более 500 публикаций из церковной и светской печати рассматриваемого периода, связанные с различными сторонами литургической жизни Церкви в России в начале XX в. Здесь же изложена и краткая история научного изучения вопроса, большую часть которой составляют работы сотрудников Института русского языка им. В. И. Виноградова РАН А. Кравецкого и А. Плетневой, а также работы самого исследователя.

Краткая 1-я глава (с. 12—18) посвящена характеристике общего состояния литургической культуры в начале XX в. Вполне убедительно, на основании свидетельств современников, здесь представлена нерадостная картина литургической жизни Церкви в России в предреволюционный период, вызывавшая у многих чувство глубокого неудовольствия.

Во 2-й главе (с. 19–147) подробно рассмотрена дискуссия о богослужебном языке, развернувшаяся среди архиереев, на съездах и собраниях духовенства, в церковной печати, на Соборе. Этот вопрос привлекал наибольшее внимание всех участников дискуссий и был обусловлен определенной недоступностью богослужебных текстов на церковнославянском языке для молящихся. Однако автор убедительно показал, что вопрос о богослужебном языке не сводится только к филологической проблеме, но он неразрывно связан с вопросом «о языке Церкви в ее отношениях с окружающим миром» и обусловлен двумя принципиальными позициями, которые даже условно не определяются как «новаторская» и «консервативная». Примечательно, что в заключительной части второй главы вопрос о богослужебном языке рассмотрен и в отношении к сегодняшнему дню, так как актуальность этого вопроса не уменьшилась.

3-я глава (с. 148–157) во многом связана с предшествующей главой, так как в ней рассмотрена проблема вспомогательных или «пояснительных» переводов богослужебных текстов на русский язык, предназначенных для учебного, а не для богослужебного употребления. Эта «техническая», на первый взгляд, проблема во многом обусловлена сложностями перевода литургических текстов на русский язык. Следует обратить внимание, что исследователь не исключает возможности того, что некоторые из параллельных текстов со временем могут иметь и литургическое употребление.

Вопросам, связанным с исправлением богослужебных книг, посвящена 4-я глава (с. 158–230), в которой рассмотрены различные попытки и подходы, направленные на улучшение существующих богослужебных текстов. Здесь же подробно описана работа по подготовке исправленных текстов Триоди Постной и Триоди Цветной, а также Октоиха и Миней. В заключительной части этой главы автор рассматривает возможность продолжения дела исправления богослужебных книг, начатого в начале XX столетия.

В 5-й главе (с. 231–310) рассмотрено обсуждение проблем, связанных с упорядочением богослужения и вызванных необходимостью регламентировать богослужебную практику, во многом отклонявшуюся от рубрик Типикона, особенно в приходских церквях. Одним из основ-

ных вопросов была практика сокращений, а также вопрос о времени совершения богослужений суточного круга. В заключительной части этой главы исследователь обращает особое внимание на актуальность вопросов, связанных с возможностью изменения богослужебного устава в настоящее время. Отдельно исследователь останавливается на необходимости ясных указаний допустимой адаптации уставных норм, которые должны быть отражены в официально издаваемых ежегодных богослужебных указаниях.

Обсуждение некоторых вопросов, связанных с совершением Божественной Литургии, рассматривается в 6-й главе (с. 311–345). Рассматриваемый материал показывает, что еще в начале XX в. активно обсуждались вопросы о гласном чтении молитв, о тропаре третьего часа в анафорах святителей Иоанна Златоустого и Василия Великого, об известной вставке в анафоре святителя Василия Великого, а также вопросы иконостаса и вообще различных «преград», разделяющих мирян и священнослужителей. Эти же вопросы, по мнению исследователя, которые едва ли могут быть подвергнуты сомнению, не утратили своей актуальности и сегодня.

В 7-й главе (с. 346–361) рассматривается обсуждение различных вопросов церковной практики, связанных с совершением Таинств и обусловленных наличием в их чинопоследованиях, находящихся в Требниках, различных слоев — более ранних и более поздних, а также заимствований (как в случае «формулы отпущения» из чинопоследования исповеди). Примечательно, что и здесь, на основании рассмотренного материала дособорных и соборных обсуждений, исследователь формулирует и для себя, и для нас «вопросы для раздумий».

8-я глава (с. 362–367) посвящена рассмотрению отношения к таким богослужебным текстам, которые могут «смущать совесть молящихся». Не отрицая возможности и необходимости «осторожных поправок и мелких изъятий», прот. Николай Балашов справедливо отмечает, что «проверка текстов богослужебных книг со стороны их содержания, перевода, состояния текста может и должна осуществляться Высшей церковной властью».

В последней 9-й главе (с. 368–397) рассматривается обсуждение вопросов, связанных с возможностями и формами богослужебного

творчества, понимавшегося как гимнографическое и евхологическое. Здесь в качестве одного из примеров рассмотрена история создания службы Всем святым, в земле Российской просиявшим. Подчеркивая актуальность литургического творчества в настоящее время, исследователь тем не менее замечает, что «взлет творчества не может оказаться быстрым и повсеместным».

Краткое заключение (с. 398—401) имеет принципиальное значение, так как оно отражает отношение исследователя не только к предмету своего исследования, но и в целом к проблеме реформирования богослужения. Подводя итоги, протоиерей Николай Балашов подчеркивает, что необходимость различных преобразований в богослужебной жизни, осознававшаяся в начале XX в. многими иерархами, священниками и мирянами, не перестала быть актуальной и сегодня. Поэтому необходимо принять во внимание уже существующий опыт, «помня, что одной из важнейших задач богословия является критическое сопоставление церковной практики — в том числе, конечно, и литургической — с основоположными нормами Предания Церкви», что, в свою очередь, позволит «различать вечное и неизменное от преходящего и исторически обусловленного».

Краткий обзор магистерского сочинения прот. Николая Балашова показывает, что им проделана очень большая работа. Собран, изучен, систематизирован и систематически изложен уникальный материал, характеризующий не только литургическую традицию Русской Православной Церкви в начале XX в., но и отношение к ней со стороны иерархов, священнослужителей и мирян. Рассмотренный материал убедительно показывает, что главным критерием, определявшим отношение как к самому богослужению, так и к его возможному изменению (реформированию), было понимание совершаемого, то есть сознательное отношение к богослужению.

Однако не все выводы и предложения исследователя, находящиеся в тексте диссертации, могут быть приняты безоговорочно. Так, рассмотренный материал показывает, что не вполне справедливо мнение о «необходимости приближения богослужения к пониманию мирян» или же о «пересмотре существующего порядка (богослужения. — А. П.), являющегося одним из препятствий на пути литургического возрожде-

ния», которое находится в конце 6-й главы (с. 345). Собранные материалы убеждают в том, что «понимание» необходимо не только тем, кто стоит в храме перед иконостасом, то есть мирянам, но и тем, кто находится в алтаре, то есть священнослужителям. Примечательно, что именно священнослужители были наиболее активными участниками дискуссий, рассмотренных в диссертации.

К несовершенствам работы можно отнести и недостаточное освещение вклада представителей русской историко-литургической науки как в постановке вопросов, связанных с реформированием богослужения, так и в их обсуждении в начале XX в. Однако это не умаляет достоинств рассматриваемой работы, которая заслуживает самой высокой оценки, а ее автор — присвоения искомой степени.

ПРЕНИЯ

В ходе прений после зачитывания отзывов официальных оппонентов присутствовавшие задали вопросы. Засл. профессор Б. А. Нелюбов спросил соискателя о причинах защиты диссертации в стенах Московской духовной академии. Следующий вопрос был задан доцентом Р. М. Коном — почему в диссертации нет главы, посвященной сектантской тематике, а именно вопросу отлучения сектантов от Церкви, которому в том числе была посвящена работа Поместного Собора? При этом заслуженный профессор К. Е. Скурат предложил прежде всего «судить о том, что есть в работе, а не о том, чего в ней нет», что было с одобрением встречено собравшимися. Был также задан вопрос об упоминавшемся в докладе «критическом анализе святых отцов». В своем ответе прот. Николай обратил внимание на важность соборного мнения Церкви в вопросе современного понимания святых отцов.

Доцентом игуменом Андроником (Трубачевым) был задан вопрос о судьбе предложений, звучавших на Поместном Соборе, и об определении таких понятий, как «расцвет», «закат» и «возрождение» литургической жизни. С точки зрения соискателя, в современной церковной жизни еще не настало время для реализации многих предложений, обсуждавшихся на Соборе.

В дискуссии приняли участие и студенты Академии. Так, одним из студентов был задан вопрос — почему при переиздании Триоди во второй половине XX в. был избран не откорректированный на Поместном Соборе текст, а старый. В своем ответе соискатель отметил, что в современных условиях было бы целесообразным издать Триодь в исправленном варианте. Заслуженный профессор А. И. Осипов задал вопрос об истории чина погребения неправославных. Прот. Николай сообщил в своем ответе, что рассмотрение данного чина на Поместном Соборе было приостановлено, а затем возобновлено при митрополите Сергии (Страгородском), которым и было благословлено использование этого чина. В завершение дискуссии доцент В. Д. Юдин предложил соискателю прочитать спецкурс по теме диссертации для студентов исторического отделения Академии.

ОТЗЫВЫ РЕЦЕНЗЕНТОВ НА КАНДИДАТСКИЕ
ДИССЕРТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ АКАДЕМИИ (№ 1–10)¹

1.1. ОТЗЫВ доктора биологических наук, профессора кафедры биофизики МГУ А. С. СОБОЛЕВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2006/2007 уч. г. священника Олега МУМРИКОВА по кафедре Библистики на тему: «Происхождение человека: библейско-святоотеческое учение и современные антропологические исследования»

Будучи искренне признательным за честь выступить оппонентом в прославленной Московской духовной академии по работе на соискание степени кандидата богословия, я не дерзну выходить за пределы своей компетенции и ограничусь вопросами современной физико-химической биологии в той мере, в какой они затронуты в рецензируемой работе, и несколько шире — методологией современной экспериментальной физико-химической биологии.

¹ В номере помещены отзывы на некоторые работы выпускников Московской духовной академии. Избранные отзывы на дипломные работы выпускников Московской духовной семинарии 2006–2007 уч. г. будут опубликованы в следующем номере журнала (БВ 11).

Вопрос о происхождении современного человека постоянно привлекал внимание как богословов, так и представителей светских наук. Интерес к нему в среде православных богословов в России особенно возрос в последние полтора десятилетия. Например, на Рождественских чтениях ему ежегодно посвящают не менее 1,5–2 десятков докладов и, соответственно, публикаций. Как же обстоит дело в светских науках в последние десятилетия? Для ответа на этот вопрос можно привлечь сведения из «Web of Science» (наследницы «Citation Index», «Current Contents» и др.), включающей «Science Citation Index Expanded», «Social Sciences Citation Index», «Art and Humanities Citation Index», но без богословия: с 1986 г. по май 2007 г. в базе оказалось 396 статей с ключевыми словами «modern human origins» из 37 831 244 статей всей базы. Это составит в среднем около 19 статей в год, или 0,001% всех научных публикаций, реферируемых этой базой данных. Если принять, что 1/4 публикаций — биологические (по данным этой базы за последние 10 лет), то получится, что всего лишь 0,004% публикаций по наукам, так или иначе связанным с биологией (кроме медицины), посвящены данной теме. Эти цифры говорят о том, что к данному предмету интерес естественных наук — в противоположность православному богословию — сейчас выражен слабо. Этот краткий анализ подчеркивает актуальность рецензируемой диссертации именно в богословском контексте.

Отмечу, что работа свящ. О. Мумрикова предполагает использование как богословской методологии, так и методологий, используемых в современной физико-химической биологии, классической биологии, палеоантропологии, археологии и др. светских наук. Поскольку в задачи оппонента входит анализ работы в аспекте физико-химической биологии, то целесообразно кратко очертить особенности методологии этой группы эмпирических наук. Критерии отбрасывания или принятия той или иной теории в этих науках проще всего описать в терминах фальсификационизма. Приведу эти критерии по К. Попперу в формулировке И. Лакатоса. «Теория Т признается фальсифицированной, если и только если предложена другая теория Т' со следующими характеристиками: 1) Т' <...> предсказывает факты *новы*е, невероятные с точки зрения Т или даже запрещаемые ею; 2) <...> все непровергнутое содержа-

ние Т (в пределах ошибки наблюдения) присутствует в Т'; 3) какая-то часть добавочного содержания Т' подкреплена»² [экспериментально]. Критерий разграничения (демаркации) между эмпирическими науками (в т. ч. физико-химической биологией) и всеми другими — фальсифицируемость³, характерная для теорий эмпирических наук в отличие от остальных. В итоге у эмпирических наук «все законы или теории следует считать гипотетическими, или предположительными»⁴. Поскольку у этих наук «ни для какой теории не доказана и не может быть доказана ее истинность», то «для практических действий следует предпочесть лучше всего проверенную теорию», т. е. ту, «которая в свете нашего критического обсуждения пока что представляется наилучшей» [курсив К. Поппера]⁵. Наконец, по К. Попперу: «Истина выше человеческого авторитета [в эмпирических науках. — А. С.]»⁶.

Освежив в памяти эти критерии, обратимся к диссертационной работе.

Диссертация и автореферат написаны и оформлены в соответствии с «Положением о подготовке, оформлении и защите кандидатской диссертации в Московской духовной академии». Впечатляет объем работы (302 страницы вместе с 8 приложениями) и список источников (11 названий), цитированных святоотеческих творений (43 названия) и другой использованной литературы (226 названий).

Этот огромный аппарат позволил соискателю придти к новым важным результатам. Из них особенно хотелось бы отметить следующие.

Автор убедительно показал, что привлечение христианского телеологизма в качестве метафизической исследовательской парадигмы при обсуждении частного вопроса о сотворении человека не имеет под собой как богословских, так и антрополого-биологических оснований (с. 173).

² Лакатос И. Фальсификация и методология исследовательских программ. В кн.: Лакатос И. Методология исследовательских программ. М., 2003. С. 50.

³ Поппер К. Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М., 2004. С. 73.

⁴ Поппер К. Р. Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. С. 20.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Поппер К. Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М., 2004. С. 57.

Соискатель допускает, что в абсолютном исчислении человеческий род может быть старше, чем это считалось раньше (с. 175).

Вместе с другими богословами автор приходит к выводу, что святоотеческое Предание и авторитет Православной Церкви вряд ли когда-либо определяли строго естественнонаучный смысл Бытия или других книг Священного Писания (с. 75).

Проведенный автором богословский анализ дал ему возможность согласиться с современным представлением об одновременном существовании людей современного типа и антропоидов, считавшихся ранее предшествующими формами. Хочется отметить как значимый результат констатацию «нефальсифицируемости» дарвиновских предположений о возникновении человека (с. 105).

К числу заслуг свящ. Олега Мумрикова стоит также отнести вполне угадываемое при чтении работы желание по возможности непредвзято рассматривать конкурирующие представления эмпирических наук по вопросам, затрагиваемым в диссертации.

В целом видится, что автору удалось внести свой вклад в православную апологетику, формирующую целостную христианскую картину мира.

Огромный материал и обилие высказанных мыслей, естественно, порождают желание их обсуждать, а иногда и поспорить с их автором.

1. И в заглавие, и в формулировку цели автор вынес анализ происхождения/появления человека. Автор критически рассматривает дарвиновский и последарвиновский эволюционные подходы к объяснению этого феномена. Казалось бы, стоит оставаться в рамках критикуемого подхода и проблемы. Однако автор далеко выходит за них, делая попытки развенчать эволюционные теории как видообразования, так и абиотического происхождения жизни, и даже космологические, видимо, полагая, что таким образом он усилит свою позицию. Однако результат, как оказывается, не всегда соответствует желаемому (о чем см. ниже).

2. Желательно строгое и точное употребление терминов и пояснение смысла новых терминов, вводимых в оборот. Яркий пример: в работе оппонент насчитал 34 различных термина и словосочетания с корнем «эволюц-», причем лишь часть из них пояснена. Целесообраз-

ность пояснений может следовать, например из следующих подгрупп терминов: а) материалистический эволюционизм, материалистическо-эволюционистская мировоззренческая парадигма, редукционистско-материалистическая эволюционная парадигма; б) молекулярная биохимическая эволюция, биохимическая эволюция, химическая эволюция. Чувствуется какое-то различие терминов внутри каждой подгруппы, но отсутствие пояснений не позволяет понять, в чем оно.

3. Сводка критических замечаний (пп. 1–13, с. 100–106) к теории Дарвина построена, в основном, либо а) на отсылках к «научным авторитетам» (пп. 1, 4, 13), б) либо на перечислении ошибочных выводов Дарвина и его первых последователей, которые потом были учтены (пп. 2, 3, 5, 6), в) либо ссылками на «нелогичность» каких-то дарвиновских утверждений (7, 11, 12). Исходя из кратко описанных выше критериев принятия/отвержения теорий в эмпирических науках, следует, что группы «а» и «б» не являются опровержением, а кажущаяся противоречивость каких-то частей теории не может служить ее опровержением в целом.

4. На с. 102–103 можно прочитать вывод: «Общезвестным является факт разрушительного, а не созидательного действия случайных мутаций (которые эволюционисты считают главным материалом для естественного отбора). При этом, даже если допустить ничтожную вероятность положительных изменений в геномном аппарате, усовершенствование только одной части организма скорее приведет к общей его дисгармонии и, следовательно, все равно окажется вредным». Следовательно, соискатель считает имеющими нулевую — если не отрицательную — ценность всех усилий всех ученых и селекционеров, получивших путем мутагенеза множество новых сортов и пород. Точнее сказать, как бы не бывшими (?!). Эта мысль автора требует пояснений.

5. В критике эволюционизма и сравнения его с креационизмом упущен важный момент: какая из этих теорий оказалась более работоспособной, или — в терминах К. Поппера (см. выше) — лучше проверенной? Что восходит к словам: *от плодов их познаете их*⁷. Так, эволюционизм оказался эффективным инструментом для открытия

⁷ Мф. 7, 16.

и познания многого из области молекулярной биологии. Например, бактерии и фаги были исходными объектами при выяснении роли и функции ДНК; основные результаты, полученные в опытах на них, впоследствии перенесли — конечно, с дополнительными проверками и уточнениями, нередко значительными, — на животных и человека. Особенно значим прорыв в фармакологии XX в.: реализована возможность испытывать и характеризовать потенциальные лекарства на животных с переносом результатов на человека (конечно, с дополнительными проверками). Ранее — принципиально не то. Например, в Средние века не возникало и мысли проверить новое лекарство на животных, а создание самих лекарств базировалось на алхимии, также, в частности, на каббале. К чему приводил подход, имевший эту метафизическую основу, ярко живописует И. В. Гете устами Фауста, говорившего о себе и своем отце-враче⁸. Кто согласится сейчас перейти на лекарства «доэволюционной» поры? Что может противопоставить креационистский подход?

6. Хотя у оппонента, как и у соискателя, весьма скептическое отношение к попыткам доказательства абиогенного происхождения

⁸ «Алхимии тех дней забытый столп,
Он заперся с верными в чулане
И с ними там перегонял из колб
Соединенья всевозможной дряни.
Там звали “лилиено” серебро,
“Львом” — золото, а смесь их — связью в браке.
Полученное на огне добро,
“Царицу”, мыли в холодильном баке.
В нем осаждался радужный налет.
Людей лечили этой амальгамой,
Не проверяя, вылечился ль тот,
Кто обращался к нашему бальзаму.
Едва ли кто при этом выживал.
Так мой отец своим мудреным зельем
Со мной средь этих гор и по ущельям
Самой чумы похлеще бушевал.
И каково мне слушать их хваленья,
Когда и я виной их умерщвления,
И сам отраву тысячам давал».

Цит. по: Гете И. В. Фауст / Пер. с нем. Б. Пастернака. М., 1969. С. 67–

жизни, но аргументы соискателя кажутся ему весьма слабыми. Причина, по мнению оппонента, кроется в использовании принципиально неверного метода — поиске еще не достигнутых результатов и попытке объяснить их отсутствие принципиальной невозможностью осуществить это человеку. Отсюда должно следовать, что получено указание на Божественное происхождение этого результата. Вот примеры из диссертации, говорящие, что такой подход опасен:

а) на с. 95 автор пишет: «Из 20 представленных в живых организмах аминокислот в искусственных условиях синтезируется лишь ограниченное количество». Но в настоящее время вне живого организма можно синтезировать любую аминокислоту, в т. ч. и в абиотических условиях⁹ и не в редуцирующей протоатмосфере¹⁰;

б) на той же странице: «В ходе экспериментов получается смесь так называемых L и D зеркальных изомеров аминокислот в примерном соотношении 50:50, тогда как в составе живых организмов встречаются исключительно L-изомеры». Сейчас уже имеются методы получения в абиотическом синтезе преимущественно L-стереоизомеров¹¹;

в) там же: «Вероятность возникновения простейшей биополимерной молекулы в результате случайных процессов является абсолютно нереальным событием». В цитированной выше работе Takano Y. et al.¹² получены биополимеры с молекулярной массой 3000 атомных единиц;

г) там же: «Астрофизик Ф. Хойл высказал известное мнение, что мысль о возникновении живого в результате случайных взаимодействий молекул “столь же нелепа и неправдоподобна, как утверждение, что ураган, пронесшийся над мусорной свалкой, может привести к сборке Боинга-747”». Эти вероятностные расчеты построены на предположении возникновения абсолютно случайных и равновероятных

⁹ Schlesinger G., Miller S. L. Prebiotic synthesis in atmospheres containing CH₄, CO, and CO₂ // Journal of Molecular Evolution. 1983. 19. P. 376–382.

¹⁰ Miyakawa S., Yamanashi H., Kobayashi K., Cleaves H. J., Miller S. L. Prebiotic synthesis from CO atmospheres: Implications for the origins of life // Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA 2002. 919. P. 14628–14631.

¹¹ Takano Y., Takahashi J. I., Kaneko T., Marumo K., Kobayashi K. Asymmetric synthesis of amino acid precursors in interstellar complex organics by circularly polarized light // Earth and Planetary Science Letters 2007. 254 (1). P. 106–114.

¹² Там же.

событий. Если же абиотический синтез происходит на какой-либо матрице¹³, то подобные расчеты становятся неверными.

Возвращаясь к оценке работы в целом, хочу специально отметить, что поставленные вопросы и замечания не затрагивают основного содержания работы, той ее главной части, которая посвящена решению поставленной автором цели.

По актуальности избранной темы, глубине проработки и анализа материала, степени обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверности и новизне работа иерея Олега Мумрикова на тему: «Происхождение человека: библейско-святоотеческое учение и современные антропологические исследования» вполне соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата богословия по предмету «Библейская археология», а ее автор вполне заслуживает присуждения искомой степени.

1.2. ОТЗЫВ профессора диакона Андрея КУРАЕВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2006/2007 уч. г. священника Олега МУМРИКОВА по кафедре Библистики на тему: «Происхождение человека: библейско-святоотеческое учение и современные антропологические исследования»

Работа свящ. Олега Мумрикова посвящена теме, которая, казалось бы, уже закрыта — вопросу о возможности достижения конкорданса между данными светского естествознания и библейского Откровения. Однако появление в Москве нескольких священников, не устоявших перед соблазном баптистско-креационистских брошюр, вновь выявило пастырскую необходимость в обращении к этой теме.

Диссертация состоит из двух глав, решительно отличающихся между собой по предмету и методологии исследования. Первая — это сопоставление святоотеческих трактовок антропогенеза между собой (но отнюдь не со светской наукой). Вторая — это работа с данными современной научной палеоантропологии.

¹³ Ricardo A., Carrigan M. A., Olcott A. N., Benner S. A. Borate Minerals Stabilize Ribose // Science. 2004. 303. P. 196.

Вторая тема явно находится вне пределов моей личной компетенции, и поэтому ко 2-й главе замечаний у меня не будет.

Но само разведение библейско-патристического дискурса и естественно-научного в данном случае я считаю верным. Все-таки задача богословия — выяснить смысл библейского текста как такового, а не редуцировать его до уровня невнятного учебника геологии. Свящ. Олег справедливо соглашается с прот. Василием Зеньковским в том, что сама система полного согласования «ложна в своем принципе, так как наука постоянно развивается, а священный текст остается все тем же» (с. 18).

1-я глава дает хорошее представление о святоотеческой экзегезе 1-й и 2-й глав Бытия. Хотя и жаль, что не все толкования нашли свое место в этой мозаике. Тут отсутствует Викторин Пиктавийский¹⁴, Амвросий Медиоланский¹⁵, а также «Опровержение всех ересей» Ипполита Римского.

Взгляды отцов изложены корректно. Верно выявлены и точки их согласия¹⁶, и точки их не-еретического разномыслия. Это можно считать доказанной научной новизной данной работы.

Но вот там, где автор говорит от себя, порой возникают проблемы согласования догматического и светского лексиконов. Речь идет о понимании термина «личность».

С. 25. «Каждая личность, как обладающая неповторимостью, должна иметь имя, определяющее то, что “ускользает” при бесконечном перечислении индивидуальных качеств данного человека, отличающих его от других людей». Имя вряд ли «определяет» понятийно неопределимое. Оно скорее лишь указывает на него. «Ипостась — подлежащее, которое обнаруживается собственным именем (τὸ δὲ ὑφεστὸς καὶ δηλούμενον ἰδίως ὑπὸ τοῦ ὀνόματος)»¹⁷.

На этой же 25-й странице можно было бы обойтись без цитаты епископа Каллиста Уэра. «Епископ Диоклейский Каллист строит этимо-

¹⁴ *Victorin. Petavion. De fabrica mundi / Introd., texte crit., traduct., comm., index par M. Dulacy. SC 423. 1997. P. 136–149 (лат. текст, франц. пер.), 215–231 (комментарий).*

¹⁵ *Ambr. Med. Hexaemeron. PL 14, 123–274A.*

¹⁶ *Consensus patrum — см. с. 70, 80–81, 91–92.*

¹⁷ *Bas. M. Ep. 38, 3:5–6 (éd. par Y. Courtonne. Paris, 1957. TLG 2040/4).*

логию греческого слова *ἀνθρῶπος* от *ἀν-αίρέω* — “быть обращенным вверх”, имея в виду, по-видимому, слова святителя Григория Нисского». Дело в том, что эта «народная этимология» является столь общим местом у античных авторов, как языческих, так и христианских, что уже трудно установить ее авторство. Тут и Овидий¹⁸, и Лактанций¹⁹.

На 27-й странице выражение: «Человечество, объединяющее в своем сознании все объекты физического и умопостигаемого бытия, является ипостасным выражением тварной вселенной» напоминает казбалитического «Адама Кадмона». Неужели «сознание человечества» ипостасно? Неужели оно всеведуще, т. е. божественно?

С. 28. «Человек может “по образу” отображать в своей духовной структуре и жизни даже внутритроичную жизнь». Несмотря на то, что у отцов действительно есть такой тезис, вряд ли стоит его повторять сегодня. Современная психология выделяет во внутренней жизни человека отнюдь не три сферы (воля, разум, чувства), а больше. Кроме того, трехсоставность человека вряд ли всерьез годится для указания на несоставимую Троицу. А главное, все эти три части ипостасны, входят в единую ипостась человека и потому не могут помочь пониманию единства трех Ипостасей в Боге. Наконец, они качественно различны, чего нельзя сказать о Божественных Ипостасях.

С. 35. «В падшем состоянии человек уже не является личностью во всей полноте этого слова». Этот тезис логичен только в системе Григория Нисского, но нельзя забывать, что свт. Григорий изначально строил свою систему, идя от интуиции Троического единства. Он представление об ипостаси, уместное для триадологии, перенес в антропологию и по сути лишил себя дальнейшей возможности говорить об ипостасях людей без многочисленных оговорок. В этой системе люди не то ипостасны, не то иллюзорны. В одном абзаце диссертанта оказались объединены частная мысль отца и частная же мысль В. Лосского о различии личности и индивидуальности, но подана эта смесь была как безусловно церковное учение. Я-то с Лосским согласен, но все же не

¹⁸ См.: *Ovid. Metamorphoses* 1, 84–86 (ed. W. S. Anderson. Leipzig, 1982 (BSGRT). P. 4).

¹⁹ См.: *Lact. Div. instit.* 2, 1, 16. PL 6, 257AB.

стоит забывать, что этот свой тезис он взял скорее у «персоналистов» Э. Мунье и Г. Марсея, чем у отцов.

С. 37. Совсем уж необязательная путаница в хронологии: «Преподобный Максим Исповедник говорит... Святитель Иринея Лионский, живший двумя столетиями раньше...». Откуда эти «два столетия» между II веком и VII?

Но в общем для текста величиной в 92 страницы (именно столько занимает первая, собственно, богословская глава), количество спорных тезисов совсем невелико и относятся они к темам, периферийным для данной диссертации.

С точки же зрения основной дискуссионной линии диссертации я бы обратил внимание свящ. Олега на определенную узость очень значимой для него цитаты из свт. Василия Великого: «У меня одна цель — все обращать в назидание Церкви»²⁰ (с. 77). Так было в IV веке. Но сегодня тема антропогенеза становится не столько пастырской («назидание Церкви»), сколько миссионерской. В церковной истории всегда пастырские и миссионерские тексты и тезисы несколько различались. Полагаю, что в рамках этих допустимых разночтений находятся и наши разномыслия со свящ. Олегом по вопросу о том, как можно мышление светских людей примирять с церковным учением.

Я же считаю труд свящ. Олега Мумрикова вполне православной и зрелой научной работой, безусловно заслуживающей присвоения автору степени кандидата богословия.

Если работа будет готовиться к публикации (на что я надеюсь), рекомендовал бы дополнить ее более подробным анализом, в котором была бы показана вариативность святоотеческих трактовок библейских «дней творения».

2.1. ОТЗЫВ доцента протоиерея Леонида ГРИЛИХЕСА на диссертацию выпускника Московской духовной академии священника

²⁰ *Vas. M.* Hom. in hexaem. 7, 6:8–9 (éd. par S. Giet. SC 26 bis. P. 418. Paris, 1968. TLG 2040/1): Εἷς μοι σκοπὸς, πανταχόθεν ὀκνοδομεῖσθαι τὴν Ἐκκλησίαν. Рус. пер.: *Василий Великий, свт.* Беседы на Шестоднев. СТСЛ, 1902. С. 115.

Андрея ЗУЕВСКОГО по кафедре Библистики на тему: «Новозаветная экзегеза в творениях Дидима Слепца»

Представленная работа, объемом 193 страницы, состоит из введения (гл. I), основной части (гл. II–V, объем 84 страницы), краткого заключения (гл. VI), подробной библиографии (гл. VII) и приложения, в котором впервые дается перевод всего корпуса аутентичных текстов, содержащих новозаветную экзегезу Дидима Слепца (гл. VIII, объем 70 страниц).

Перед диссертантом ставилось несколько задач, касающихся новозаветной экзегезы Дидима. Дать исчерпывающее обозрение современного состояния и оценки дошедших до нас источников. Освоить, т. е. перевести на русский язык весь корпус новозаветных толкований Дидима. Проанализировать новозаветные толкования Дидима, а именно: попытаться определить герменевтические методы и приемы Дидима; проанализировать особую, использовавшуюся Дидимом экзегетическую терминологию; определить место Дидима в истории толкования книг Нового Завета, рассмотреть комментарий Дидима в контексте экзегетической традиции IV в.; выявить, в какой степени Дидим зависит от толкований Оригена и свт. Афанасия Великого, а также проследить его влияние на последующих экзегетов.

Приятно отметить, что священник Андрей Зуевский сумел осветить все эти вопросы на самом современном уровне, с удовлетворительной полнотой и на хорошем научном языке. Что касается первой части работы, то здесь заслуживает особого внимания гл. III, содержащий подробный учет всего экзегетического материала, расположенного по порядку книг новозаветного канона.

Наиболее оригинальной частью работы являются главы «Метод Дидима» и «Терминология» (здесь дается словарь основных экзегетических терминов александрийцев, с учетом особенностей употребления их у Дидима), а также гл. V, где приводятся примеры разбора отдельных, отобранных автором и представляющихся наиболее интересными, мест экзегетического наследия Дидима.

Особой похвалы заслуживает перевод с греческого новозаветного корпуса толкований Дидима, выполненный на хорошем, современном и

внятном русском языке, что дает впервые познакомиться русскоязычному читателю с этими текстами.

Предлагаемая оценка — «отлично».

2.2. ОТЗЫВ преподавателя игумена ДИОНИСИЯ (Шленова) на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии священника Андрея ЗУЕВСКОГО по кафедре Библистики на тему: «Новозаветная экзегеза в творениях Дидима Слепца»

Кандидатская диссертация священника Андрея Зуевского посвящена анализу новозаветной экзегезы известного александрийского богослова Дидима Слепца. Важность работы для русской библейской науки состоит в том, что впервые описан Дидим как экзегет на основании новых, ранее не переводившихся экзегетических фрагментов.

Диссертация состоит из нескольких частей: общей вводной части (введение и историография, гл. I—II), основной части (гл. III—VI), библиографии (гл. VII) и приложения, состоящего из переводов с древнегреческого трех новозаветных толкований (гл. VIII). Общий объем диссертации 194 страницы.

В начале исследования автор кратко формулирует свою основную цель — «определить место Дидима в истории толкования книг Нового Завета»; одной из важнейших задач оказывается проведение сравнительного анализа «новозаветных комментариев ... в контексте экзегетической традиции IV в.» (с. 3, 4).

В работе диссертант достаточно быстро и основательно переходит к раскрытию основной темы. Он реконструирует канон Священного Писания по Дидиму, перечисляет и анализирует круг новозаветных экзегетических трудов и цитаций Дидима. В разделе «терминология» автор составил маленький экзегетический перечень терминов — своеобразный «миниэкзегетический» словарь.

В целом можно отметить, что работа написана грамотным отточенным языком, построена по продуманному плану. Для написания работы автор основательно изучил ряд научных трудов на разных европейских языках.

Вместе с тем можно сделать и ряд критических замечаний к работе.

1. Замечания, касающиеся содержания и структуры работы.

В гл. «Толкования на отдельные книги Нового Завета» автор проводит недостаточно ясную дифференциацию между книгами Нового Завета, на которые был оставлен специальный комментарий, и новозаветными цитациями. Автор описывает каждый конкретный случай, однако нужны и итоговые суммирующие данные (ср. с. 38 и др., вывод на с. 46 недостаточен).

Быть может, некоторым недостатком или непроявленной перспективой работы остается неполная соотнесенность мест, толкуемых Дидимом, с экзегетической традицией. Так, автор бегло упоминает о толковании Хлеба «с неба» (с. 55). Данная экзегеза, очень важная в связи с современной полемикой о Евхаристическом пресуществлении-преложении, имеет огромный святоотеческий контекст, в свете которого можно было бы понять и своеобразие мысли Дидима. Достаточно вспомнить аналогичные рассуждения Оригена из трактата «О молитве», который именовал буквальное толкование прошения «хлеб наш насущный даждь» «лжеучением», а под «хлебом» понимал Господа нашего Иисуса Христа²¹, и пр. Здесь же автор пишет о том, что данное толкование аллегорическое, а сам Дидим пишет об «анагогии». Читатель при этом попадает в тупик недопонимания разницы между этими двумя методами.

Также в центральной гл. V автор ограничивается разбором трех наиболее хорошо сохранившихся экзегетических сочинений Дидима, которые приведены и в русском переводе. Представляется важным, чтобы в поле зрения автора оказались и другие отдельные цитации Дидимом новозаветных мест, выходящих за пределы данных сочинений.

Автор должен был бы высказать свое собственное отношение к диалогу о слепоте между Дидимом и прп. Антонием²², а не только сослаться на мнение Лейтона (с. 7). Остается непрояственным: диалог о слепоте всего лишь литературный прием или реальный факт?

2. Недочеты в библиографии, цитировании и пр.

Помимо списков сочинений Дидима (их нужно было бы снабдить

²¹ См.: *Orig. De oratione* 27, 2:21–23 (hrsg. v. P. Koetschau. Bd. 2. Leipzig, 1899. GCS 3. S. 364 ff.).

²² См., например: *Soz. Hist. eccl.* 3, 15, 5:1–6 (hrsg. v. J. Bidez, G. C. Hansen. Berlin, 1960. GCS 50. S. 126).

латинскими и греческими названиями), должно было бы указать и то, на каких языках эти сочинения сохранились.

В списке сочинений автор не выделяет отдельно несохранившиеся сочинения.

Автор пишет о сомнении ряда современных исследователей (не называя их по имени) в назначении Дидима главой Александрийского огласительного училища по указанию свт. Афанасия Александрийского, а затем приводит в пример тайные планы Руфина реабилитировать Дидима через подчеркивание его связи со свт. Афанасием, как будто Руфин — один из исследователей (с. 8).

Автор не всегда ссылается на источник (на с. 7 нет ссылки на Руфина, на с. 29 — на блж. Иеронима). Ссылка на Палладия на с. 6 должна была бы быть более точной (вместо Laus. 4 — Laus. 4, 3:1–9) и т. д. При ссылке на творения прпп. Варсануфия и Иоанна надо указывать номер вопроса, а не только номер страницы по русскому изданию (с. 12)²³.

Несколько поражает характер цитирования — автор не оставил страничных примечаний, а все ссылки интегрировал в основной текст. Данный подход помимо своей «неудобности» явился в данном случае недостаточно «экономным», так как система сокращений (например, ссылка на фамилию и на год, как в современном БВ, или другая система цитирования) оказалась упраздненной.

3. Стилистические и смысловые недочеты.

«Тем самым Дидим отвергает реальность пребывания по существу сатаны в людях, считая их аллегорическими» (с. 20) — «их» или «его»?

Выражение «процесс канонизации» может пониматься двусмысленно (с. 24). Автор использует слово в непривычном для него значении «введения в канон».

Несмотря на ряд не очень существенных замечаний, легко устранимых при желании автора, кандидатская работа свящ. Андрея Зуевского может быть оценена самым высоким образом.

²³ С учетом разницы нумерации в русском переводе и современном критическом издании «Вопросоответов» в серии SC необходимо было бы проставлять двойную нумерацию. Соответствия указаны в таблице, опубликованной в: ИАБ. 4. С. 230–232.

3.1. ОТЗЫВ проф. А. Т. КАЗАРЯНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Христофора ВОЙЦЕШУКА по кафедре Богословия на тему: «Бессмертие души в трактате свт. Григория Нисского “Диалог с сестрой Макариной” и диалоге Платона “Федон”»

Представленный на соискание ученой степени кандидата богословия труд выпускника МДА Войцешука Христофора в качестве своей основной задачи ставит сравнительный анализ учений о душе Платона и свт. Григория Нисского и состоит из введения, в котором обосновывается актуальность темы диссертации (с. 3–9), части I с двумя главами, в которых обсуждается учение Платона о душе в связи с концепцией «мира идей» (с. 10–47), части II с тремя главами, в которых рассматриваются общие вопросы богословия свт. Григория Нисского, его учение о человеке и душе (с. 48–165), и заключения с выводами (с. 166–168).

К достоинствам диссертации следует отнести то, что она посвящена важной и интересной теме, написана с использованием большого количества источников на иностранных языках, важнейшие тексты приводятся как на русском языке, так и на языке оригинала; круг вопросов, затрагиваемых в диссертации, охватывает сложные проблемы античной философии и христианского богословия; учение свт. Григория Нисского о душе предваряется обсуждением проблем богопознания, триадологии и христианской антропологии, которые исследуются в связи с различными ересями и отклонениями от православного вероучения. В целом автор справился с поставленной задачей — показать основные различия в понимании души у Платона и свт. Григория Нисского.

Вместе с тем, на наш взгляд, работа не лишена недостатков. Во введении неточно определен предмет исследования, который оказывается много шире заявленного в названии диссертации; автор пишет: «Задачей настоящей работы является, прежде всего, попытка представить в сжатой форме творчество св. Григория, еп. Нисского, в его отношении к вопросам философии Платона» (с. 8).

В части I, в изложении Платона, автор допускает ряд неточностей и ошибок: 1) на с. 11 он противопоставляет друг другу «два вида, два уровня бытия», но у Платона «бытие» (или «истинно сущее») одно — «идея»; 2) на с. 12 сначала говорится, что «космология Платона не

дуалистичная», а ниже приводится цитата из работы В. В. Зеньковского, что из анализов Платона «вытекает резкий дуализм идеального и реального», остается непроясненным важный вопрос, кем был Платон, монистом или дуалистом; 3) в изложении диалога Платона «Теэтет» не обсуждается основной термин всей аргументации — понятие «мнения» (с. 15–16); 4) на с. 28 противопоставляются «познание» и «припоминание»: «Душа становится не столько познающей, сколько припоминавшей и открывавшей в себе свою вечную и бессмертную сущность (так в тексте. — А. К.)»; 5) на с. 33 утверждается, что «бессмертие души зиждется не столько на познании, сколько на вере», и приводится цитата из «Федона» — но, во-первых, это экспозиция диалога, за которой следуют знаменитые доказательства бессмертия души; во-вторых, Платон, для философии которого религия и священные таинства имели огромное значение, под «верой» подразумевал совсем иное, нежели христианство, для Платона вера — это мнение без обоснования; 6) на с. 34 ошибочно утверждается, что «религиозные представления о путешествии души в загробный мир своим основанием имеют природу...»; 7) на с. 36 относительно «Души мира» (в тексте — «Души вселенной») говорится, что «бессмертие души, таким образом, основывается здесь на непрерывности природного движения вселенной, как и на ее вечности» — но у Платона сама душа является источником движения, движет себя и иное (для сравнения: на с. 47 справедливо, со ссылками на Платона, говорится: «Душа движет сама себя»); 8) на с. 39–47 рассмотрение темы души пошло ложным путем по причине попыток отождествления «души», «идеи» и «идеи жизни»; обсуждая вопрос о «бессмертии души после телесной смерти», автор пишет: «Единственным выходом из такой ситуации может быть только отождествление души с идеей» (с. 40). Это ошибка, Платон не отождествляет душу с идеей (вполне естественно было бы в данном месте рассмотреть подробно проблему посмертной участи души в философии Платона в связи с его учением о воздаянии, но этого в работе нет, на с. 32 об этом говорится лишь мимоходом); 9) необходимое общее замечание ко всему изложению Платона в диссертации — использование автором терминов «сущее» и «сущность» как равнозначных, что постоянно вносит путаницу в текст (например: с. 26, 42 и др.).

В части II: 1) на с. 57 абзац, начиная со слов: «В связи с учением Ария...» — до конца страницы, написан так сумбурно, что понять из этого изложения можно немного; аналогичный случай — на с. 59—60 до абзаца: «С другой стороны...», а также абзац на с. 67, начиная со слов: «Бог, таким образом, с одной стороны, безусловно, за пределами, с другой, безусловно причастен»; то же на с. 98: «Вообще идея человека...»; а также с. 131; 2) трудно понять слова на с. 66: «Для св. Григория Нисского мир, несмотря на quasi-платоновское “освобождение” души от тела и всего материального, имеет огромное значение в познании Бога»; 3) на с. 70 утверждается, вопреки сказанному в первой части о значении любви в диалоге «Пир», следующее: «Только любовь является полнейшим выражением истинного созерцания, которое без любви превращается в чистейший платоновский интеллектуализм». Проблема заключается в различном понимании любви у Платона и в христианстве. Если представить ее кратко, то любовь для Платона — это путь восхождения к идеям божественного ума, в христианстве же любовь, в первую очередь, это любовь Бога к человеку, Его нисхождение к человеку «нашего ради спасения»; с этой проблемой связана и другая, касающаяся вопроса о непостижимости природы Бога; по мнению автора, у свт. Григория в познании Бога на первый план выступает любовь, а у Платона этого нет; на наш взгляд, непостижимость природы Бога для свт. Григория Нисского связана с Откровением, что делает возможным существование не только апофатического богословия, но и катафатического, в то время как для Платона философское умозрение остается единственным источником знаний о боге (sic!); слова Платона: «Бог превыше бытия и небытия», — свидетельствуют о возможности познания идей божественного ума и непостижимости природы бога (sic!); 4) ряд догматических ошибок, неуместных терминов и неточных утверждений содержится в разделе I.3 («Учение о Святой Троице»), в особенности на с. 72, где утверждается: «Бог Отец, как сущность сама в себе, Ding an Sich, является причиной действия, Сын — энергийной эманацией сущности Отца, а Святой Дух только осуществлением этого процесса. Здесь на лицо выступает единство Бога, однако единство не сущностное, а энергийное, — даже единство не единство действий, выражающее единство сущности, а единство, отображающее единый

процесс, приводящий к осуществлению воли Отца» (сохранены орфография и синтаксис автора). По поводу процитированного текста возникает вопрос, понимает ли сам автор, что он хотел сказать в этом абзаце, объясняя учение о Святой Троице конструкциями, заимствованными у Плотина и Канта, противопоставляя восходящие к одному греческому слову термины «энергия» и «действие», и, наконец, самое главное в этом тексте — ошибочным толкованием отношений между Ипостасями; 5) на с. 80 в понимании Ипостаси, в отношении Ипостаси к сущности автор допускает неточные выражения: «Лицо Святой Троицы — это гипостазированная сущность, “ἐνούσιος”, которая все-таки не отождествляется с сущностью, как и сущность не сводится к одному Лицу, хотя полностью заключается в ипостаси»; 6) спорных, сомнительных, неточных и ошибочных выражений более чем достаточно и в других главах и подглавах (Бог и творение; «Природный» образ Божий в человеке; Первобытное состояние человека и др.). Например: «Слово Божие не стоит на первом месте у святителя, а является лишь составной частью его системы, для которой самое главное, это начальный тезис и метод его подтверждения» (с. 104). Справедливости ради отметим, что автор неоднократно сам же опровергает это ошибочное положение, например, он пишет: «Когда речь идет об очень проблематичных вопросах, св. Григорий прибегает за помощью к авторитету Священного Писания» (с. 134); 7) учение свт. Григория об апокатаста-сизе изложено бегло (с. 160–162).

Несомненно, диссертация нуждается в большой и тщательной редакторской правке. Но эти недостатки, которые не могли не отразиться на общем содержании работы и обсуждении специальных вопросов, связанных с богословской и философской терминологией, извинительны, поскольку для автора русский язык не является родным.

Несмотря на указанные недостатки, полагаю, что диссертация выпускника МДА Войцешука Христофора заслуживает положительной оценки с присуждением ученой степени кандидата богословия.

3.2. ОТЗЫВ преподавателя С. А. ЕЛИСЕЕВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Христофора ВОЙЦЕШУКА по кафедре Богословия на тему: «Бессмер-

тие души в трактате свт. Григория Нисского “Диалог с сестрой Макриной” и диалоге Платона “Федон”»

Изучение наследия святых отцов Церкви имеет непреходящее значение для православного богословия. Многие из них обращались к учениям древних философов, заимствуя или наоборот критикуя их отдельные положения. Святитель Григорий Нисский занимает в этом ряду особое место. В молодости переживший «философские искушения», став церковным иерархом, он многое сделал для защиты православия.

Этот опыт святых отцов необходимо исследовать для того, чтобы лучше понимать Священное Предание Церкви. Он также дает богатый материал для православной апологетики, столь необходимый в наше время, когда Церковь вынуждена давать ответы на многие злободневные вопросы, возникающие в современном мире, теряющем свои христианские корни.

В этой связи тема представленной диссертационной работы является весьма актуальной. В отзыве рецензент высказывает свое мнение относительно того, насколько обоснованы те выводы, к которым автор диссертации приходит в результате своего исследования, какова их научная новизна и значимость для богословской науки.

В предложенной диссертации, в разделе «Введение», автор пишет, что «задачей настоящей работы является, прежде всего, попытка представить в сжатой форме творчество св. Григория, еп. Нисского, в его отношении к вопросам философии Платона ... причем не только в вопросе о душе» (с. 8).

Первое, что обращает на себя внимание, так это несоответствие темы диссертации той задаче, которую ставит перед собой автор. Как увидим позднее, вместо того, чтобы исследовать учение о бессмертии души в диалоге Платона «Федон» и в сочинении свт. Григория Нисского «О душе и воскресении» (*Dialogus de anima et resurrectione*), которое почему-то в теме диссертации названо «Диалогом с сестрой Макриной», автор будет «в сжатой форме» (на 168 страницах!) пересказывать философию Платона и богословие свт. Григория Нисского.

Впрочем, к главному недостатку введения, как впрочем и всей диссертации, следует отнести следующее обстоятельство. Кандидатская диссертация является научной работой и, следовательно, должна соот-

ветствовать своему жанру, однако в работе даже нет обзора литературы по выбранной теме. Автор должен был выяснить, каково современное состояние исследований диалога Платона «Федон» и сочинения свт. Григория Нисского «О душе и воскресении» как на Западе, так и в Польше и в России. Разумеется, что подобного рода работа предполагает, что автор владеет основными европейскими языками. Судя по «Библиографии» и по тексту диссертации, это не является для диссертанта непреодолимым препятствием.

В работе также отсутствует обзор и анализ дореволюционной русской богословской литературы, посвященной свт. Григорию Нисскому. Даже фундаментальные труды Виктора Несмелова²⁴ и митрополита Макария (Оксиюка)²⁵ хоть и присутствуют в разделе «Библиография», но, за исключением немногих цитаций, не нашли своего достойного места в представленной работе. Вообще нужно сказать, что диссертация написана так, как будто прежде по данному вопросу вообще никто ничего не написал.

Уже исходя из самой темы диссертационной работы автору следовало сравнить два диалога — «Федон» Платона и «О душе и воскресении» свт. Григория Нисского. Влияние «Федона» на сочинение свт. Григория более чем очевидно, как бы автор диссертации ни пытался обойти этот вопрос. Впрочем, он его даже не ставит. На взгляд рецензента, диссертанту необходимо было обратить свое внимание также на сочинение «Житие св. Макрины» (*De vita Macrinae*), где святитель Григорий снова обращается к платоновскому «Федону», и, конечно же, на диалог Платона «Пир» с его беседой между жрицей Диотимой и Сократом. Сопоставляя сочинения Платона и свт. Григория Нисского, автор должен был исследовать характер заимствований, сделанных святителем Григорием из «Федона»: что именно он заимствует, а что нет и, главное, почему.

Краткий обзор некоторых недостатков рецензируемой диссертации.

Диссертация состоит из двух частей: «Первая часть посвящена изложению философии Платона в контексте его учения о бессмертии души.

²⁴ Несмелов В. Догматическая система святого Григория Нисского. Казань, 1887.

²⁵ Макарий (Оксиюк), митр. Эсхатология св. Григория Нисского. Киев, 1914.

Во второй же части излагаются взгляды св. Григория Нисского» (с. 8). Таким образом, первую часть работы автор посвящает Платону (краткий очерк философии Платона на с. 10—48). Она состоит из двух глав. Это не самые удачные главы в диссертации. Мы не будем подробно останавливаться на них. Приведем лишь одну из характеристик, данных автором философии Платона: «Диалектика и идеи и вещи, предмета и его смысла, причем самый верхний ее уровень и изощренность — так можно охарактеризовать философию Платона вообще» (с. 12).

Еще несколько кратких замечаний. Автор охотно цитирует как Платона, так и свт. Григория Нисского по-гречески, и это можно только приветствовать. Но очень часто, особенно в случае с Платоном, он не дает русского перевода древнегреческих слов и целых выражений, а это, на наш взгляд, в научной работе просто необходимо хотя бы для того, чтобы выяснить, насколько правильно сам автор диссертации понимает используемый им древнегреческий текст.

Цитируя сочинения древнегреческого философа на языке оригинала, автор тем не менее не приводит ни одной ссылки на издание, которое он для этого использовал. В разделе «Библиография» имеется ссылка только на сочинения Платона, изданные московским издательством «Мысль».

Удивляет то обстоятельство, что, излагая на страницах диссертации учение Платона о бессмертии души, учение об идеях и т. д., автор совершенно ничего не говорит о том, как понимали взгляды Платона непосредственные продолжатели платонической традиции, особенно неоплатоники. Можно с уверенностью предположить, что именно у неоплатоников автор нашел бы много интересного для исследования творений свт. Григория Нисского. Вместо этого он предпочитает ссылаться на другие авторитеты, а именно на «Историю античной эстетики» А. Ф. Лосева. Приведем небольшую цитату Лосева, взятую нами из рецензируемой работы. «Античная философия и античный “идеализм” всегда исходят из объективного бытия, даже, как мы хорошо знаем, из специфического объективного бытия, — из живого тела; и перед мощью этого исходного регулятива всей античной философии меркнут всякие малейшие проявления дуализма, субъективизма и трансцендентального идеализма» (с. 10). Далее идут рассуждения о диалекти-

ке, борьбе и единстве противоположностей и об объективном бытии. Оставляя за автором право на личную точку зрения, хотелось бы тем не менее рекомендовать ему быть более осмотрительным и не забывать, в какое время и при какой господствующей идеологии жил и работал уважаемый А. Ф. Лосев.

Начиная со второй главы (с. 27—47) автор стал активно цитировать и пересказывать своими словами диалоги Платона. Сильно увлекаться этим не стоило. Сочинения Платона давно изданы, и каждый может их с легкостью взять и прочесть, что намного интереснее, нежели чтение не всегда удачно подобранных отрывков. По мнению рецензента, в диссертации следовало больше внимания уделять не пересказу давно уже известных текстов, а исследовательской работе, например, обозначить трудные вопросы, возникающие при сопоставлении платонического понимания человека, души и ее бессмертия с догматами христианской веры. По неизвестной причине автор этого не сделал, а ограничился довольно странным резюме к диалогу «Федон»: «Мифологические мотивы, являющиеся основанием для главных рассуждений в диалоге, дополняются физико-метафизическими соображениями по поводу сущности души. Вследствие этого получается отнюдь не такая уж последняя картина философских упражнений Платона. В целом же диалог Федон — это очень изысканное художественно-философское произведение искусства» (с. 47).

Часть вторая посвящена святителю Григорию Нисскому (с. 48, 165). Она начинается двумя разделами под названием «Учение св. Григория Нисского» (с. 48—54) и «Фон эпохи» (с. 54—58). Эти два раздела, надо полагать, мыслились автором диссертации как своего рода введение в богословие свт. Григория Нисского. Автор пишет, что для того, чтобы «определить метод и главные принципы изложения св. Григорием своих взглядов на бессмертие души, необходимо рассмотреть его учение вообще... Не рассмотрев целого, части не будут поддаваться анализу» (с. 48). Но «учение вообще» свт. Григория автор здесь не рассматривает (этому посвящены последующие главы). Вместо этого он предпочитает делиться с читателем личными впечатлениями от богословия святого отца или ограничивается более чем странным рассуждением об апокатастасисе и философском таланте свт. Григория. Так,

на с. 48—49 автор диссертации пишет: «Св. Григорий не является ни платоником, ни аристотеликом, ни даже стоиком, если кто-то хотел бы его именно так определить. Его учение вполне христианское, несмотря даже на присутствие “ἀποκατάστασις”^а, которое разные ученые относят к незаконным действиям еретиков, намеренно искажившим чистое учение святителя. Это учение присутствует в творениях Григория и, пожалуй, не является каким-то искажением его мысли, потому что оно слишком “гармонично” укладывается в его богословскую систему. Ἀποκατάστασις, если уже выступает, то является следствием заложенных в начале каждого диалектического рассуждения гипотез, которые, следуя диалектическому искусству, приводят его к немножко странным, однако очень изысканным утверждениям. Конечно, не будем здесь оправдывать Нисского святого, так как оправдан он авторитетом Церкви, единогласно признавшей за ним название “Отца Отцов”. С другой стороны, неуместно говорить об его оправдании, потому что никто его не осудил, вменяя ему какие-то еретические учения, когда Оригена, тоже утверждавшего восстановление всего, даже Лукавого, в первобытное, чистое состояние, V Вселенский Собор анафематствовал. Аргументом, объясняющим его, все-таки, большую известность, спустя четыреста лет после его смерти, учитывая странное учение о восстановлении всего творения, мог быть факт, что его личность, так как долгое время жил в тени своего великого брата, св. Василия Великого, была немножко неопределенна. Обращая большое внимание на Василия, и видя в нем столп и утверждение Православия, современники Григория хотели видеть в нем такого же вождя, которым Григорий, к сожалению, не был. Может быть, оставаясь и после смерти Василия в его тени, никто не обращал большого внимания на его учение? Все эти предположения, однако, остаются беспочвенными. Достаточно посмотреть на его жизнь. Синод Антиохийский (379 г.) именно его, Нисского епископа, назначил наблюдателем ортодоксии в приходах Аравии, а II Вселенский Собор в Константинополе (381 г.) его творения, вместе с сочинениями Диодора Тарсийского, Петра Александрийского и др., провозгласил образцом правильности христианской веры».

По поводу этой цитаты из диссертации Христофора Войцешука следует сделать несколько принципиальных замечаний.

То, что свт. Григорий Нисский не был осужден V Вселенским Собором, как, например, Ориген, еще не свидетельствует о том, что, приняв учение об апокатастасисе, свт. Григорий не заблуждался. По данному вопросу существует достаточно обширная литература, но автору диссертации она, по всей видимости, не знакома.

Автор пишет, что сочинения Диодора Тарсийского на II Вселенском Соборе были провозглашены «образцом правильности христианской веры». Во-первых, автор не приводит ни одной ссылки на тексты II Вселенского Собора, которые подтверждали бы его утверждение, а во-вторых, ему следовало бы упомянуть и о том, что, начиная со свт. Кирилла Александрийского, Диодора Тарсийского стали считать одним из предтеч несторианства.

Ссылаясь на постановления Вселенских Соборов, автор диссертации либо вовсе не дает ссылок на те источники, откуда он заимствует информацию, либо делает это весьма своеобразно: «Не будем здесь оправдывать Нисского святого, так как оправдан он авторитетом Церкви, единогласно признавшей за ним название “Отца Отцов”». И внизу сноски 123: «VII Вселенский Собор» (с. 49). Нет ни названия источника, ни места и года издания, не указан и номер страницы.

Порой автор диссертации ссылается на авторитет, как он сам пишет, «некоторых ученых» (с. 48), «разных ученых» (с. 48), просто «многих» (с. 58) или «всех ученых, особенно на Западе» (с. 6) и т. д., но не приводит ссылок на конкретные работы этих исследователей. Впрочем, есть основания полагать, что автор не только невнимательно относится к ссылкам на источники в своей диссертации, но и просто забыл проверить свою работу перед ее подачей на защиту. Так, на с. 50 читаем: «Некоторые ученые предполагают, что Григорий, если уже находятся в его сочинениях не только намеки, но и прямое учение об апокатастасисе, то это касается только частных, не предназначенных для общего пользования, сочинений. В тех трудах, которые были предназначены для общественно-церковного пользования, таких учений не было. Надо посмотреть, где это находится» (сноска 125, с. 50). Здесь комментарии излишни. Работа нуждается в редактировании, тем более что ее автор иностранец и русский язык для него не является родным. Рецензент не стал приводить примеры грубых стилистических и грамматических ошибок.

В разделе «Фон эпохи» (с. 54–58) диссертант говорит об Оригене и свт. Григории Нисском как об «ученике» и «мастере» (с. 49 и 54). Вернее было бы перевести как «ученик» и «учитель».

Здесь же находим интересную интерпретацию понятия «золотой век святоотеческой письменности»: «Эпоха после-никейская, в которой жил св. Григорий Нисский, была очень трудной и изобилующей неожиданными случаями. Изгоняя практически всех православных епископов, еретики не минули и Нисского святителя. Но именно из-за того, что было так трудно, эта эпоха многими называется “золотым веком святоотеческой письменности”» (с. 58).

Таким образом, эти два раздела, «Учение св. Григория Нисского» и «Фон эпохи», вряд ли можно признать удачными.

В разделе «Учение о Богопознании» (с. 59–70) автор пишет: «Когда Платон, говоря о божественном мире идей, что только он является предметом истинного знания (*ἀληθῆ ἐπιστήμη*), призывал к очищению себя от дебелисти плоти, чтобы постигнуть этот высший мир, св. Григорий, в противовес его учению, говорит, что человек именно не зная Бога, постигает Его в наивысшей мере. «*Ἐν τούτῳ τὸ ἰδεῖν ἐν τῷ μὴ ἰδεῖν*», — говорит он, следовательно, цель добродетельной жизни состоит в постижении Бога, однако суть этого постижения не в ведении Бога, а в полном Его незнании» (с. 63). Более чем смелое утверждение. Автор совершенно забывает о неоплатоническом опыте постижения Единого в опыте экстаза. Увлекаясь «апофатическим богословием», автор диссертации не делает очень важного замечания, что несмотря на то, что сущность Бога остается для нас совершенно сокрытой, тем не менее Он являет Себя нам в Своих энергиях. Не стоит забывать и о том, что Св. Писание есть также слово Бога о Самом Себе. Если бы автор диссертации об этом помнил, то у него, возможно, не было бы, например, таких странных выводов: «О добродетели же дознаем мы от Апостола, что у нея один предел совершенства — не иметь самого предела (*τὸ μὴ ἔχειν αὐτῇ ὄρον*)».²⁶ Получается парадокс — предел для добродете-

²⁶ Greg. Nyss. De vita Mosis 1, 5:8 (éd. par J. Daniélou. Paris, 1968. TLG 2017/42). См.: Григорий Нисский, свт. О жизни Моисея Законодателя / Пер. с древнегреч. под ред. А. С. Десницкого. М., 1999. С. 11.

ли — это не иметь предела. Следовательно, цель, «точка направления» всякой добродетели остается неизвестной, неопределенной.

Если человек не знает цели своего нравственного пути, то даже если он живет согласно с принципами Священного Писания, он не может знать, куда идти. Духовная жизнь человека — это «чистейшее противоречие» (с. 63–64).

Странное рассуждение. Если человек не знает, куда идти, то он слеп и, по слову Писания, «упадет в яму»²⁷. Неужели диссертанту неизвестна цель христианской жизни? Сам автор чуть позже пишет: «Человек, если приложит к делу Богопознания собственные усилия, то знает куда идти, чего держаться и как идти» (с. 67).

На с. 69 читаем: «Григорий, конечно, был знаком с произведениями Оригена, как и, наверно, читал Плотина, однако, он не является компилятором разных, и языческих, и христианских текстов». Далее, уделив лишь одно (!) предложение учению Плотина и Оригена о Богопознании, автор делает следующее сравнение взглядов Платона и свт. Григория Нисского: «Для Платона путь к высшему миру осуществлялся только через очищение и умственное устремление к идеям, как и через полное отречение от чувственного мира. Для святителя все это имеет большое значение, однако, это только средства, ведущие к опытному познанию Истины, Которая является превышающей все Любовь» (с. 70). Автору следовало бы более подробно обосновывать свою точку зрения, ибо этого требует жанр научной работы. Впрочем, рецензенту с сожалением приходится констатировать, что диссертанту порой не хватает последовательности в изложении материала. Очень много недосказанного, нет четких формулировок. Не всегда понятно, соглашается ли сам автор со взглядами цитируемого им лица или нет.

Учение о человеке (с. 87–88). «Некоторые ученые говорят, что феномен человека требует апофатизма назад, как и особого богословия вниз, нежели вверх²⁸» (с. 88).

Неточно приведена мысль В. Н. Лосского. У Лосского речь идет о тайне тварного мира и о творении «из ничего»: «Чтобы допустить

²⁷ Мф. 15, 14.

²⁸ Лосский В. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991. С. 70.

вне Бога и рядом с Ним что-то другое и от Него отличное, какой-то совершенно новый сюжет, также необходим “бросок” нашей веры. От нас требуется своеобразный “апофатизм вспять”, который привел бы к откровенной истине о творении “из ничего”, *ex nihilo*.

«Природный» образ Божий человека (с. 93–99). Раздел, посвященный учению святителя Григория Нисского об «образе Божиим» в человеке, безусловно, является одним из важнейших. Диссертант, пытаясь следовать за мыслью святого отца, приходит к выводу, что «образ Божий» заключается в «количественно-сущностной полноте человеческой природы» (с. 98) или в уме (с. 98) и т. д. Иногда автор диссертации признается, что испытывает определенные трудности с пониманием текстов свт. Григория, и тогда он пишет, что «ход мысли свт. Григория представляется немножко запутанным» (с. 97): или, «вникая в суть речи св. отца, видим очень много недоразумений, недосказанных слов и противоречий» (с. 102) и т. д.

У святителя Григория Нисского, как и у многих других святых отцов, можно встретить разные определения понятия «образ Божий». По этому вопросу существует прекрасный раздел В. Н. Лосского в «Очерках мистического богословия Восточной Церкви». Приведем лишь небольшой отрывок: «Множественность и разнообразие этих определений (т. е. «образа Божия». — С. Е.) показывают, что мысль святых отцов избегает ограничивать то, что в человеке сообразно Богу, какой-либо одной частью его существа...

Образ Божий в человеке, поскольку он — образ совершенный, постольку он, по святому Григорию Нисскому, и образ непознаваемый, ибо, отражая полноту своего Первообраза, он должен также обладать и Его непознаваемостью».

Размышляя о «подобии Божиим» в человеке, автор диссертации пишет: «...Для св. отца подобие Божие это тоже данность, потому что человек в моменте творения получил совершенную природу, выше которой уже ничего не приобретет. Ведь воскресение это восстановление в первобытное состояние, следовательно, ничего больше, как возврат к тому, что было в начале. Образ и подобие Божие в человеке отождествляются, не оставляя места для его личного совершенствования» (с. 98). Обо всем этом автор говорит мимоходом и как будто даже не

замечает, что такого рода утверждения, а именно, что «конец» творения не превосходит «начало» творения, вряд ли приемлемо для православного богословия и имеет очевидные оригенистские корни. Диссертанту следовало бы выяснить, действительно ли свт. Григорий Нисский разделял оригенистские взгляды, или же он придерживался иной точки зрения, а также, как рассматривали вопрос об образе и подобии Божиим в человеке современники святого отца, например, свт. Василий Великий и свт. Григорий Богослов. Об их учении о человеке и бессмертии души автор диссертации вообще ничего не написал. Как в случае с Платоном, так и в случае со свт. Григорием в диссертации совершенно отсутствует описание того идейного контекста, в котором жили и творили Платон и свт. Григорий Нисский.

«Анастасийный» аспект бессмертия души (с. 143–155). «Тело именуется святителем “колесницей” души, и ее “кораблем”, что указывает на теснейшее их единение» (с. 145). В примечании 375 автор сопоставляет две цитаты из диалога «О душе и воскресении» и находит в рассуждениях свт. Григория «противоречия»: «Что постигает душу, когда ее колесница распадается на много частей?»²⁹ В диалоге говорится и что-то противное сему: «...Оставив Платонову колесницу и впряженную в нее пару молодых коней»³⁰. Свт. Григорий заимствует этот образ у Платона, а потом, устами св. Макрины, приводит аргументы из Св. Писания. Эти образы в диалоге «О душе и воскресении» не противопоставляются друг другу, поэтому противоречие оказывается мнимым.

В данном разделе имеется более чем спорная характеристика Оригена и свт. Григория Нисского как мыслителей. В частности, читатель узнает, что «учение александрийца и еп. Нисского сходны в диалектической методологии», но «предпосылки у них разные». Ориген «на первом плане ставил ... рассудок», а свт. Григорий, «хотя поднимает те же самые вопросы, но подходит к ним очень осторожно, критерием своих рассуждений ставя Откровение». Далее автор пишет, что «главным показателем его (т. е. свт. Григория. — С. Е.) практически полной независимости от Оригена» является то, что св. отец «профессионально» разрабатывал на «основании философских данных» волнующие его

²⁹ *Greg. Nys. Dialogus de anima et resurrectione.* PG 46, 45B:6–7.

³⁰ *Ibid.* PG 46, 49C:8–10.

эпоху вопросы, тогда как Ориген решал скорее «любопытные» задачи. Возможно, автор хотел сказать, что Ориген рассуждал на богословские темы из-за простого любопытства? Но не будет ли это тогда упрощением проблемы?

На с. 152 в примечании 387 есть ссылка на сочинение Порфирия «Отправные положения к умопостигаемому» без указания места и года издания. В «Библиографии» эта книга также отсутствует. Думаю, что ссылку на Порфирия автор нашел в одной из статей В. В. Петрова.

«Восстановительный» аспект бессмертия души (с. 155–165). В данном разделе имеются следующие выражения: «“пиромичное” восприятие мира» (с. 156), «“пиромичное” сотворение Богом всего, что в мире существует» (с. 160). Рецензент задается вопросом, оправдано ли использование гностически-окрашенной терминологии для характеристики учения свт. Григория Нисского? Впрочем, автор диссертации использует, в том числе, и фрейдистскую лексику. В частности, он определяет свт. Григория «как христианина, который, не отказываясь от христианских догматов, одновременно сублимирует платонизм» (с. 121).

Подводя итоги проделанной работы, автор представленной диссертации делает вывод, что свт. Григорий — «ни платоник, ни аристотелик, ни неоплатоник, ни стоик, а преимущественно диалектик» (с. 164). «Идеи Платона присутствуют в его системе, но они не играют главной роли» (с. 164). Он «пользуется платоновскими терминами» и «подходит к философии Платона слишком близко» (с. 166). «Его учение характеризуется ясностью и утонченностью мысли, но в силу того страдает излишним механизмом» (с. 164), а его «Истина слишком логична» (с. 164). «Друг мой, — обращается автор диссертации, видимо, к своим читателям от лица одного из героев романа Ф. М. Достоевского «Бесы», — настоящая правда всегда не правдоподобна, знаете ли вы это? Чтобы сделать правду правдоподобнее, нужно непременно подмешать к ней жи». Свт. Григорий, следовательно, стремится к логичности Истины, чем к истинности Истины» (с. 164–165).

И тут же, через пару страниц, читаем совсем иную характеристику богословского наследия свт. Григория Нисского: «Творческое наследие св. Григория является образцом для подражания, особенно в области ис-

пользования им философской методологии. “Обуздывая” философию, святитель не забывал о своей главной цели, то есть о разъяснении верующим людям догматов Церкви и о передаче им своего личного опыта встречи с Богом. И, несмотря на некоторые “механические натяжки”, сделанные им в силу слишком большого увлечения диалектикой, оно представляет собою высококлассное научное исследование главных вопросов христианства» (с. 167–168).

В заключение рецензент считает необходимым рекомендовать Хриstoffору Войцешуку основательно доработать свою кандидатскую диссертацию и учесть сделанные в данном отзыве замечания.

4.1. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ПАНТЕЛЕИМОНА (Бердникова) на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Сектора заочного обучения Дмитрия МАЙОРОВА по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Естественно-научная апологетика как компонент христианского свидетельства в школе»

Работа Майорова Дмитрия посвящена миссионерскому служению в общеобразовательных учреждениях посредством введения элементов естественно-научной апологетики в школьные предметы. Собственно, этому посвящена скорее тема диссертации, так как в большей части работы (более 2/3) дается освещение естественно-научной апологетики как таковой.

Диссертация представляет собой труд объемом 192 страницы компьютерного текста и состоит из введения, 3-х глав и заключения.

В достаточно просторном введении (18 с.) автор обосновывает актуальность избранной темы, рассматривая естественно-научную апологетику в рамках школьной программы как альтернативу курсов «Основы православной культуры», учитывая сильное противодействие введению этого предмета в учебные заведения на уровне Министерства образования РФ. Здесь же обозначены цель, задачи, методология исследования, представлен краткий обзор литературы.

В первых двух главах делается попытка — на наш взгляд, вполне удачная — всестороннего освещения естественно-научной апологетики в богословском, историческом, гносеологическом планах. Здесь же ав-

тор рассматривает зависимость ее характера и содержания от конфессиональной принадлежности апологетов. Подробно раскрыта в работе проблема взаимоотношения науки и религии, начиная с истоков современного естествознания до наших дней.

3-я глава посвящена собственно теме диссертации — практическому применению естественно-научной апологетики в учебных учреждениях. Здесь представлены программы апологетических курсов, являющиеся результатом опыта преподавания автора в различных учебных заведениях г. Тюмени, а именно: в Православной гимназии, в Православном Духовном училище, в Тюменском нефтегазовом университете и в Тюменском юридическом институте. В первой части этого раздела Майоров Дмитрий рассматривает полемику между двумя ветвями естественно-научной апологетики — креационизмом и эволюционизмом.

Библиография включает 270 наименований, в том числе на английском языке.

Общее впечатление от работы — это добротное научное исследование, свидетельствующее о большом трудолюбии и широкой богословской и научной эрудиции соискателя.

Нечасто среди выпускников Академии можно встретить специалиста-естественника, поэтому бросается в глаза скрупулезность и педантичность исследования, автор даже к изучению Священного Писания подходит строго методологически, вычисляя процентное соотношение цитируемых текстов. Каждому параграфу сопутствуют четкие и обоснованные выводы. Автором проработана масса различной апологетической научной и богословской литературы (270 источников). По всему видно, что его сочинение — результат многолетнего труда на ниве христианского просвещения и апологетики. В 3-й части диссертации представлены ценные авторские разработки — учебно-методические комплексы курсов «Апологетика», «Концепции современного естествознания», «Наука и религия», апробированных им в учебных заведениях Тюмени и получившие там авторитетное признание. Диссертация написана хорошим литературным языком. Орфографических и стилистических ошибок в работе немного.

Замечания к диссертации.

Прежде всего — это обилие громоздких цитат, которые набраны мелким шрифтом, что увеличивает объем диссертации в полтора, а то и в два раза и значительно затрудняет ее восприятие. Нередко теряется главная нить, понимание того, что же хочет исследовать соискатель, видимо поэтому он очень часто в конце того или иного параграфа сообщает читателю, что предстоит рассмотреть в следующих разделах.

Не всегда диссертант последователен и объективен в своих суждениях, а именно — при освещении полемики между креационистами и эволюционистами. Часто он подыгрывает распространенной тенденции критического отношения к креационной теории, но не приводит ни одного аргумента в пользу теории эволюционной, таким образом делая эту критику огульной и беспочвенной, в чем креационисты обвиняют своих оппонентов. В то же время он очень положительно на с. 18 оценивает работу профессора Колябина, «верующего специалиста по естественно-научной апологетике», «Верую познаем», в которой по сути кратко изложены основные положения достаточно крайнего креационизма, с которым автор не желает консолидироваться. Сам он выступает как представитель «умеренной позиции о происхождении мира» протонерея Василия Зеньковского, который принадлежит к эволюционистам (см. с. 156 и 162), хотя из структуры разработанных им курсов четко прослеживается креационистская позиция автора.

Трудно судить о всех работах, в которых автор находит «серьезную критику», как он выражается, креационной теории. Однако насколько эта критика серьезна, можно увидеть из приведенной автором цитаты на с. 154: «Сторонники “научного креационизма”, — замечает Л. Гильи, — отрицают многие важнейшие положения современной науки — о вечности Вселенной, об эволюции мира, о длительном процессе становления человека и пр. Но на этих постулатах по сути построена вся наука!» Спрашивается: какая наука? Может быть, не сама наука, а ее атеистически идеологизированное крыло? Тот же критик выше опровергает сам себя, указывая, что одним из критериев, которым должно удовлетворять научное исследование, является опора на наблюдение и экспериментальная проверка. Когда и кто наблюдал или провел эксперименты, свидетельствующие о вечности Вселенной, эволюции мира и длительном

процессе становления человека? И это не единственный пример, когда соискатель оставляет без комментариев подобную «серьезную» критику креационизма или высказывания так называемых православных эволюционистов, противоречащие не только христианскому мировоззрению, но и научным фактам³¹. Насколько целесообразно приводить в защиту эволюции высказывания богословов начала прошлого века или даже в середине XX в. в СССР, когда нередко, благодаря фальсификациям, дарвинизму было обеспечено господствующее положение в науке, но не в начале XX в., когда не было серьезных аргументов и достоверных фактов в пользу микроэволюции, однако в силу разных причин еще сохраняется инерция дарвинизма, по сути превратившегося в идеологию, и тогда как скелеты предшественников человека покинули насиженные места в Британском музее, они еще прочно удерживают свои позиции в учебной и околонучной литературе.

На с. 151 приводится высказывание другого критика, который обвиняет священника Тимофея Алферова в том, что, говоря о деградации звезд и опровергая при этом их эволюцию, таким образом злонамеренно подменяет понятие «эволюция» и в подтверждение приводит словарное определение: «Эволюция — это непрерывное постепенное количественное изменение». Однако не везде словарное значение тождественно общепринятому. В научном мире под эволюцией понимается не просто изменение, но именно прогрессивное развитие — от простых и низших форм к более сложным, высшим.

Замечание частного характера: не совсем понятна цель приведения всех цитат со словом «сотворил», а именно, в какой связи эти тексты стоят с естественным богопознанием, ведь Священное Писание — это сверхъестественное, Божественное Откровение.

На с. 67 главную причину недостаточности естественного Богословия для достижения истинного богопознания автор усматривает в помрачении познавательных способностей человека после грехопадения. Здесь, во-первых, можно говорить еще и об искажении самого творения и утраты им прежней гармонии. А прежде всего — возможно ли

³¹ См.: с. 155–157, также см. работы прот. Стефана Лешевского и епископа Василия (Родзянко), очень спорные с точки зрения христианского богословия, особенно последняя.

истинное богопознание силами только человеческого разума без Божественного Откровения?

На с. 116 автор расшифровывает понятие «полигенизм» как жизнь человечества от стада человекообразных существ. Но если точнее — это происхождение разных рас человечества от различных приматов в разных частях Земли независимо друг от друга.

На с. 156 приводится цитата из «Журнала Московской Патриархии» 60–70-х годов XX в. относительно цифры 5508 — что эти цифры не существуют в Библии и они не декретированы Вселенскими и Поместными Соборами. Однако эту цифру не так уж трудно получить, если внимательно рассмотреть библейскую хронологию. На сегодняшний день есть издания, где представлены сравнительные хронологии по Септуагинте и Масоретскому тексту (и текстам Талмуда) — соответственно 5508 и 3753 года.

Названные замечания не снижают ценности диссертации, которая является серьезным и актуальным исследованием и может иметь практическое применение. Кандидатская диссертация Майорова Дмитрия заслуживает высокой оценки («отлично»), а ее автор — искомой степени кандидата богословия.

4.2. ОТЗЫВ преподавателя священника Александра ТИМОФЕЕВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Сектора заочного обучения Дмитрия МАЙОРОВА по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Естественно-научная апологетика как компонент христианского свидетельства в школе»

Представленная работа на 192 страницах, состоящая из 3-х глав и заключения со списком литературы из 270-ти наименований, посвящена одному из важнейших вопросов современной апологетики: ее естественнонаучной составляющей.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что разработан ряд дидактических пособий, опирающихся на методы естественнонаучной апологетики в преподавании различных дисциплин для школьников, студентов, преподавателей школ и вузов, воспитанников духовных училищ и семинарий. Автор диссертации справедливо замечает, что «в

условиях, когда не дают вводить предмет “Основы православной культуры” в общеобразовательных школах, введение элементов естественнонаучной апологетики в школьные уроки невозможно переоценить в многогранном деле воцерковления учащихся».

Выбрать метод преподавания, однако, непросто. Преподавателю придется пройти между «Сциллой» буквалистского толкования Писания и отрицания научного метода «креационистов» и «Харибдой» релятивизма и либерализма «эволюционистов-телеологистов» (здесь мы условно придерживаемся общепринятой терминологии).

Автор, на взгляд рецензента, верно понял суть спора между вышеуказанными группами христианских апологетов. Методологическая критика положений обоих направлений сделана верно. Правильно предложен и основной методологический подход: главным тезисом преподавателя должен быть телеологический аргумент, через красоту, разумность и целесообразность творения свидетельствующий о бытии Божиим.

К недостаткам работы необходимо отнести обилие цитат (некоторые превышают страницу), затрудняющее чтение текста и уводящее от основной мысли. Неуместно также приведение подборки цитат из Священного Писания в основном тексте диссертации (с. 38–41). То же самое можно сказать и о подборке ссылок на интернет-ресурсы (с. 121–125).

Вызывает серьезные сомнения следующий богословский тезис автора: «Недостаточность естественного богословия для достижения истинного Богопознания объясняется помрачением познавательных способностей человека в результате грехопадения наших прародителей и наследственным первородным грехом, закрывшим нам теперь путь к прямому Богообщению. В силу этого наука не самодостаточна для познания этого мира, а в Богословии христианском она может выполнять только вспомогательную роль, согласно общему мнению отцов Церкви» (с. 67). Согласно мнению многих отцов Церкви, человек и прежде грехопадения своим естественным разумом не мог познавать Бога, но только из откровения, по дару благодати. Вопрос этот был в достаточной степени рассмотрен в полемике отцов-каппадокийцев против Евномия и свт. Григория Паламы против Варлаама Калабрийского.

В работе достаточно большое количество ошибок и опечаток, в том числе в большинстве греческих слов (с. 112, 113 и проч.). Есть путани-

ца в именах: на с. 117 католический исследователь Аннибале Фантолли назван Антонио. Термин «аристотелевизм» является неудачным неологизмом автора, лучше все же было бы использовать принятый термин «аристотелизм». Эти ошибки, видимо, следует объяснить спешкой в подготовке текста диссертации.

Выводы, приводимые в конце 2-й и 3-й глав, зачастую не являются прямым следствием обсуждавшихся вопросов, но скорее отражают сложившийся у автора диссертации взгляд на проблему.

Что православие может дать науке? Ясную целенаправленность и конечный смысл научных исследований, осознание необходимости духовно-нравственных критериев в определении полезности или истинности любой познавательной, исследовательской, творческой деятельности человека. Таков вполне справедливый вывод автора.

Учебные программы, являющиеся весьма ценным материалом, следовало давать в специальном приложении, а не основном тексте 3-й главы.

Библиография организована по не вполне понятному принципу: на с. 185 сначала приведены четыре работы на русском языке, затем работы на иностранных языках, затем снова на русском. Особенности цитирования свидетельствуют о том, что ряд работ автор «не держал в руках», но в список литературы поместил (т. е. приводит их по вторичным источникам, не ссылаясь на это в библиографии). Если это библиография по теме работы, а не список цитированной литературы, это необходимо было бы оговорить.

В 2002 г. автором была разработана программа «Основы православной культуры» для Тюменского областного государственного института работников регионального образования. Осенью 2004 г. составлено методическое пособие для кафедры религиоведения по Концепциям современного естествознания для студентов-религиоведов при Тюменском государственном нефтегазовом университете (ТюмГНГУ). Весной 2005 г. и летом 2006 г. написаны «Основы религиозной культуры для слушателей различных категорий», 72-часовой курс был прочитан в Институте дополнительного образования при ТюмГНГУ. К осени 2005 г. подготовлен курс «Наука и религия» для студентов II курса кафедры религиоведения ТюмГНГУ.

Это делает работу автора особенно ценной.

Несмотря на указанные недостатки, работа заслуживает одобрения и положительной оценки.

5.1. ОТЗЫВ заслуженного профессора Б. А. НЕЛЮБОВА на кандидатскую работу выпускника Московской духовной академии иеромонаха ДАНИИЛА (Бушуева) по кафедре Церковной истории на тему: «Антиохийская Церковь в V–VII веках»

Работа иеромонаха Даниила (Бушуева), состоящая из 191-й страницы основного текста и 7-ми страниц библиографии (более 200 наименований), представляет довольно солидный церковно-исторический труд, снабженный не только перечнем событий и действующих лиц указанного периода, но и научным анализом и критическими замечаниями и комментариями, позволяющими всесторонне подойти к теме. Конечно, история Антиохийской Церкви тесно переплетается с событиями общей церковной истории, и поэтому автор предпочел раскрыть тему как бы глазами антиохийца, а не представителя какой бы то ни было иной юрисдикции. Поэтому события общеполитического и общецерковного характера раскрываются на фоне Восточной Церкви, которая по-своему реагирует на все, что происходит вокруг нее.

При анализе и оценке источников по указанному периоду Антиохийской Церкви автор отметил и своеобразные трудности, вызванные довольно пестрым многоконфессиональным составом восточных провинций, разнообразие политических партий, культурных фракций и социальных слоев, которые так или иначе оставили свой след в сохранившихся источниках, которые приводятся и хронологически, и по степени важности, по языку и по жанру.

Историческая часть начинается с V столетия (осуждение пелагианства и т.д.). Автор полагает, что здесь кроется и начало христологических споров. Можно с ним согласиться, если добавить эпитет «официальных», потому что аполлинарианство, осужденное еще в IV в., тоже было христологической ересью. Далее идет описание событий в строго хронологической последовательности вплоть до VI Вселенского Собора, положившего конец христологическим спорам. Свящ. Димитрию неплохо было бы отметить реакцию Антиохийской Церкви на

Пято-Шестой Вселенский Собор. Однако, скорее всего, это опущение мотивированное, потому что после осуждения в 680 г. Антиохийского патриарха Макария его преемники, Феофан и Александр, очевидно, были стоворчивее и подписали решения Пято-Шестого Собора.

Важным разделом работы является раздел о границах и административном делении Антиохийской Церкви, потому что Антиохийская Церковь начиная с III в. больше всех пострадала от дробления своей юрисдикционной территории вплоть до конца VII в., когда от нее отделились марониты. Интересным является замечание автора (с. 129), согласно которому в эпоху императора Юстиниана I, согласно 8-й новелле, в диоцез Восток входил и Кипр, хотя Кипрская Церковь еще с 431 г. была автокефальной. В пользу этого говорит и «Внутреннее управление...», где имеется фраза, что со времен первой апостольской Пятидесятницы в диоцезе Восток, кроме Тира, Дамаска, Эмесса и Тарса, был и Кипр. Правда, автор, хотя и упоминает это, сразу же оговаривается, что эта зависимость была весьма неопределенной. Неплохо было бы упомянуть, что и Церковь апостола Фомы в Индии тоже входила в юрисдикцию Антиохии, скорее всего ее восточная часть (Вавилон).

Эта же глава перечисляет и Поместные соборы Антиохийской Церкви в V и VI вв. по догматическим и каноническим вопросам. Конечно, их полного списка нет и не может быть. Здесь перечисляются те соборы, о которых сохранились какие-то сведения. Сведения о том, что кроме епархиальных архиереев были т. н. хорепископы, очень напоминают структуру Кипрской Церкви, в которой до сих пор сохранился титул хорепископа. Были титулы синкел, скевофилакс, апокрисиарий, нотарий и др., которые подтверждают влияние Византии на периферию. Автор указал на сохранившиеся письменные памятники, по которым можно судить об органах управления Антиохийской Церкви («Дидахи», «Апостольские постановления» и др.). В сочинении дается справка о доходах и их распределении в Антиохийской Церкви, о благотворительности, национальной и языковой среде, о других конфессиях, о несторианстве, монофизитстве в Сирии, Ливане, Персии и др. восточных странах. В этот период господство греческого языка в Антиохийской Церкви было еще значительным, однако со временем

он заменяется арабским, и Антиохийская Церковь утрачивает свой прежний титул «греко-православная». Большое внимание автор уделяет монастырям и монашеству в данный период, перечисляя и сами монастыри, и виды монашеского подвига.

В заключение свящ. Даниил указывает высокое познавательное значение истории Антиохийской Церкви, которая внешне, может быть, мало чем отличается от истории других Православных Церквей, однако внутренне являет органическое богозаповеданное единство, о котором молился Господь наш Иисус Христос перед Своими страданиями.

Вся работа производит приятное впечатление, хотя некоторые стилистические и грамматические погрешности, к сожалению, имеются, но они (с. 3, 9, 33, 34, 37, 39, 47, 50, 54, 56, 57, 58, 60, 66, 67, 68) настолько незначительны, что не влияют на отличную оценку этого труда.

5.2. ОТЗЫВ преподавателя иеромонаха ТИХОНА (Зимина) на кандидатскую работу выпускника Московской духовной академии иеромонаха ДАНИИЛА (Бушуева) по кафедре Церковной истории на тему: «Антиохийская Церковь в V–VII веках»

Настоящее диссертационное исследование представляет собой труд, размещенный на 199-ти машинописных страницах и состоящий из 13-ти глав, введения, заключения, библиографии, списка сокращений. Во введении обосновывается актуальность и важность проделанной работы. Глава 1-я представляет собой обзор источников, состоящий из 40 наименований. Главы 2.1–2.7 излагают в хронологической последовательности исторические события исследуемого периода. Главы 3.1–3.5 рассматривают отдельные аспекты истории Антиохийской Церкви (границы и административное деление, управление, национальности и миссия, духовная жизнь и монашество, литургические традиции).

Материал излагается четко, логично, со ссылками на источники. Основной упор автор диссертации вполне справедливо делает на изложение богословских споров периода V–VII веков. Привлечение свежих исследований делает описываемую картину объемной и многогранной. Оценки многих личностей (например Нестория) приобрели новые оттенки, дополняющие хрестоматийные трактовки. Тем не менее автору удалось избежать какой бы то ни было «ревизии» по отноше-

нию к учению еретиков. Он всегда остается на твердой почве православия, хотя фигуры еретиков представлены как живые люди со своими несомненными достоинствами и недостатками.

Достаточно сложной проблемой является соблюдение баланса между объективными (экономическими, политическими) предпосылками решения того или иного богословского вопроса и, собственно, стремлением к Истине. По моему мнению, автор диссертации сумел найти верный подход, учитывающий складывающуюся объективно ситуацию, но не исключая роль каждой личности и Промысла Божия в истории Церкви.

Безусловно, работа не лишена некоторых недостатков. Одним из основных недостатков является полное отсутствие иллюстративных материалов: карт, таблиц и т. д.

Еще один недостаток связан с членением работы. Работа разделена согласно нумерации глав не только на главы, но и на части. Но названия этих более крупных, чем главы, частей отсутствуют.

Явный беспорядок присутствует в заключительном библиографическом разделе. В список сокращений попали библиографические ссылки, которые в пояснениях не нуждаются и должны быть отнесены к списку литературы.

Данные недостатки ни в коем случае не умаляют достоинств представленной диссертации, которая вполне соответствует требованиям к подобным работам, а ее автор заслуживает искомой степени кандидата богословия.

6.1. ОТЗЫВ профессора А. И. СИДОРОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Александра ТВЕРДОХЛЕБОВА по кафедре Богословия на тему: «Умное делание в духовном опыте подвижников XVIII—XX веков и святоотеческая традиция»

Рецензируемая работа посвящена традиции умного делания в русском монашестве XVIII—XX вв. После краткой вводной части, касающейся истоков умного делания в древнем монашестве и поздневизантийском исихазме, автор рассматривает деятельность и духовное наследие прп. Паисия Величковского и его учеников: прп. Серафима Саровского, свт.

Игнатия Брянчанинова, свт. Феодана Затворника, духоносных старцев Оптиной Пустыни и Глинской Пустыни. В диссертации собран обширный материал, который четко и структурно выстроен. Кроме того, ее автор по ходу работы делает ряд ценных наблюдений и замечаний. Так, например, на с. 4–5 говорится: «История явно свидетельствует, что расцвет внутреннего подвига в русском монашестве был всегда тесно связан с благотворным влиянием на него Православного Востока, с нашим обращением к святоотеческим принципам духовной жизни. Это в свою очередь приводило к значительному развитию социальной, культурной и политической жизни Российского государства. И наоборот, отход от святоотеческих основ Православия, ослабление либо забвение умного делания и тесно связанной с ним традиции старчества, всегда приводили к упадку монашества. Это влекло за собою угасание религиозного духа всего русского народа, а, следовательно, приводило к кризисным явлениям в общественно-политической жизни страны по причине исторически сложившейся теснейшей связи между нашей Церковью и государством». Подобного рода интересных наблюдений в рецензируемой работе встречается достаточно много. Весьма ценными представляются и выводы диссертации, где, в частности, отмечаются специфические черты русской традиции умного делания по сравнению с преданием древнего и византийского иночества.

Можно отметить некоторые промахи и недочеты рецензируемой работы, которые, впрочем, имеют частный характер и не умаляют ее больших достоинств. Так, автор почти уже к концу диссертации (с. 152–154) касается сути старчества, хотя это явно следовало дать чуть ли не в самом начале работы, поскольку без старчества невозможно понять и смысла умного делания. На с. 39 автор констатирует, что поводом к написанию «Глав об умной молитве» прп. Паисия Величковского послужили нападки на эту молитву некоего «инока, философа суетного». Однако возникает вопрос: есть ли какие-либо данные об этом иноке? Если нет, то следовало бы данный момент акцентировать, а также указать, являлся ли он одиночным явлением или же за ним стояла довольно сильная оппозиция такому деланию. На с. 94 есть предложение: «Высоко оценивая практическое достоинство сочинений святителя Игнатия, исследователи указывают на их одно, общее всем

святоотеческим писаниям, свойство». Однако данное предложение повисает в воздухе, поскольку нет никаких указаний на конкретных исследователей.

Вывод: рецензируемая работа А. Е. Твердохлебова вполне отвечает требованиям, предъявляемым к кандидатской диссертации, а ее автор заслуживает искомой степени кандидата богословия.

6.2. ОТЗЫВ преподавателя протоиерея Александра ШАРГУНОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии Александра ТВЕРДОХЛЕБОВА по кафедре Богословия на тему: «Умное делание в духовном опыте подвижников XVIII–XX веков и Святоотеческая традиция»

Представленная к обсуждению работа посвящена исследованию святоотеческой традиции исихазма.

Тема святоотеческого подвижничества, открывающего путь к духовному совершенству, является особенно актуальной в наши дни. Являясь ключевой в аскетической практике, тема умного делания всесторонне рассмотрена в творениях святых отцов Церкви, но в свете исторической ретроспективы она еще не получила достаточного освещения в современной богословской литературе.

Четкое логическое построение материала, изложение целей и методов исследования, представленные в вводной части работы, позволяют судить о серьезном и вдумчивом подходе к изучению данной проблемы. Обосновывая актуальность проблемы, соискатель справедливо отмечает неразрывность связи духовного и социального уровня развития нации.

Краткий исторический обзор темы охватывает период возрождения подвига умного делания в России в XVII–XX вв.

1-я глава рассматривает традиции исихазма, начиная от истоков до XVI столетия — времени жития прп. Нила Сорского.

Во 2-й главе рассматривается дальнейшее развитие традиции исихазма в России в XVIII–XX вв., начиная с прп. Паисия Величковского, и его влияние на русское монашество.

В работе прослеживается путь становления и развития традиции исихазма в России со времен прп. Сергия Радонежского (хотя исто-

ки его восходят к основателям русского монашества прпп. Антонию и Феодосию Киево-Печерским) до наших дней. Святоотеческое учение о покаянии как о полном духовном перерождении человека неразрывно связано с подвигом Иисусовой молитвы. Подлинное покаяние — это дар благодати.

Составные части такого покаяния, как указывают святые отцы, это непрестанная молитва, отсечение греховных помыслов и смиренное терпение ниспосылаемых скорбей.

Краткой молитве «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», сказанной из глубины сокрушенного сердца, святые отцы придавали очень большое значение в деле спасения души.

Цель покаяния не в том, что мы ищем оправдания перед Богом угрызениями совести, не в том, что внешними добрыми делами исторгает грех, не в том, что изнуряем нашу плоть, а в том, что мы внутренне освящаемся Духом Христовым, Который упраздняет тело греха и освобождает от самого греха, в самой сокровенной глубине нашей совести. И благодать возвращает нам наше подлинное, по образу Божию, естество.

В лице наиболее ярких светильников русского православия, сохранивших традиции умного делания, автор показывает преемственность святоотеческих традиций, отличительной чертой которых является духовное трезвение. Что это значит для нас сегодня?

Отказ в молитве от христианского принципа Креста неизбежно приводит к религиозному индивидуализму и эгоизму — главным духовным опасностям современного христианина. Психологический индивидуализм видит веру как свое личное дело, которое касается личных интимных сторон моей души. Отсюда религиозный гедонизм, выражающийся в жажде любыми средствами добиться мистических ощущений, воспринимаемых как особый вид духовности. Истинная вера, основанная на догматах и Предании, на здравом смысле верующего разума, подменяется неким религиозным чувством, ни к чему серьезному не обязывающим. Отсюда и непонимание законов духовной жизни, перескок через этапы, жажда христианской любви без Креста, т. е. подмена ее воображительной, самообманной любовью, замена ума воображением, здравого смысла — субъективным произволом.

В результате человек начинает высказывать суждения, логически не обоснованные ни догматами, ни рациональными доводами, а лишь эмоциями сердца, приспособлявая истину к своим взглядам. Это прѣлестное состояние ума находит выражение в адогматизме — отрицании практической необходимости догматов для христианской жизни, и гносеомахии — ненависти к рациональному познанию, которое якобы засушивает душу. Разорванность сознания означает разрыв в целостном религиозном восприятии вероучения, культа, вообще всех явлений жизни, как духовных, так и материальных. Целое догматическое восприятие означает монизм — подход ко всему, исходящий из одного, в какой степени это полезно или вредно для спасения души, насколько это отвлекает меня от христианского пути. Разорванное же сознание не очень заботится о спасении души, а потому не в силах найти единый критерий, оно подходит к различным сферам жизни, как бытовой, так и духовной, с совершенно разными критериями. В результате человек может ходить на богослужения, удовлетворять свои религиозные потребности в храме, «творить Иисусову молитву» и при этом находить эстетическое наслаждение в пошлости голливудских фильмов или тяжелого «христианского» рока, а в своей научной деятельности может проповедовать пантеизм, дарвинизм или иные нехристианские взгляды. Иисусова молитва должна собирать ум человека воедино, восстанавливая целостность его личности. Прп. Серафим Саровский советовал от начала богослужения до конца его повторять про себя Иисусову молитву — тогда, говорил он, мы начинаем лучше воспринимать все, что совершается в Церкви. Подобно этому Иисусова молитва должна освящать все наши встречи с другими людьми, все события в нашей жизни — кто сколько может вместить.

Святые отцы непрестанно подчеркивают неразрывную связь богословия и молитвы. «Если ты богослов, то будешь молиться истинно, а если истинно молишься, то ты — богослов»³². И «молиться за других — это кровь проливать»³³. Увы, мы знаем, что большинство наших

³² *Evagr. Pont. De oratione* 60. PG 79, 1180:22–23 (Εἰ θεολόγος εἶ, προσεύξῃ ἀληθῶς, καὶ εἰ ἀληθῶς προσεύξῃ, θεολόγος εἶ).

³³ Софроний (Сахаров), архим. Преподобный Силуан Афонский. Эссекс, 1990. С. 103.

богословов пишут не кровью, а чернилами. Иисусова молитва (так же, как, впрочем, богослужение и богословие) — это не предмет какого-то собственного выбора или медитации — это то, что куплено Кровью Христовой и принадлежит всей Церкви. Учение об Иисусовой молитве и опытное богословие великих учителей нашей Церкви святителей Игнатия Брянчанинова и Феофана Затворника сугубым образом обращено к нашим дням. Вдохновенное сознание ответственности за истину не должно быть отделено у нас от жизни по истине. И это значит — от нашего противостояния именем Иисусовым всякому злу. Если внутренний взор не просвещен, то все внешнее учение не имеет значения. Человек ищет живое лицо истины, хочет вкусить и почувствовать очевидность того, что содержится в догматах. Если мы не обновимся, а мы не обновимся, не противостоя изо всех сил всякому злу в мире, мы не сумеем устоять и победить в той неизбежной конфронтации со всеми лжеучениями, для которых христианский догмат — досадное препятствие на пути к созданию единой суперрелигии.

Недостаточно, чтобы вера передавалась внешним как нечто рациональное, необходимо, чтобы истина освещалась изнутри, становилась как бы очевидной для христианина. В наши дни, может быть, более чем в прежние времена, Церковь потеряла так много верующих не только из-за размывания очертаний истины вследствие адогматических тенденций, но также и потому, что Откровение о Боге часто возвещалось холодными устами.

В рамках данной работы тема всесторонне раскрыта. В части оформления работы следует отметить встречающиеся опечатки, которые в ряде случаев бывают попросту курьезны. Так, например, на с. 156 вместо «обличительное слово» напечатано «облегчительное»; с. 158: «плоды плодов наших»; с. 158: «немецкий монастырь»; с. 13: «освящение темь»; с. 158: «трезвение от помыслов» и т. п. Встречается также неоднократно опечатка «подстрижен в рясофор» (с. 128, 135, 167).

В целом работа соответствует предъявляемым требованиям. Автор избирает путь не строго-научного изыскания, а находит форму простого и последовательного рассмотрения факторов влияния иноческой жизни на духовно-нравственное состояние общества. Написанная простым, живым языком, работа читается с большим интересом. Соиска-

тель, несомненно, заслуживает присуждения ученой степени кандидата богословских наук.

7.1. ОТЗЫВ профессора протоиерея Максима КОЗЛОВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии священника Вадима СУВОРОВА по кафедре Богословия на тему: «Новейшие документы РПЦ и РКЦ по вопросам границ Церкви и церковного единства»

Диссертация священника Вадима Суворова состоит из введения (с. 4–13), 1-й части, посвященной документам РПЦ по поставленному вопросу (с. 15–48), 2-й части, посвященной обзору соответствующих документов РКЦ (с. 57–127), 3-й части, посвященной обзору документов Международной смешанной комиссии по богословскому диалогу между Католической и Православной Церквями (с. 133–138), заключения (с. 138–139), источников и литературы (с. 140–153) и четырех приложений (с. 153–162).

Прежде всего следует отметить, что диссертация содержит самостоятельное исследование одного из значимых как в плане взаимоотношения Церквей, так и в плане богословского понимания границ Церкви набора документов. Актуальность поставленной темы определяется недостаточной на данный момент исследованностью вопроса границ Церкви и церковного единства, особенно в его сравнительном аспекте.

Сравнительный анализ официальных документов Русской Православной Церкви и Римо-Католической Церкви проведен со всех значимых для церковной науки точек зрения — канонической, историко-догматической, церковно-практической.

В работе можно выделить две основные части, описывающие официальные документы РПЦ и РКЦ соответственно. В первой части разбирается вопрос о границах Церкви в русском православном богословии. В основном плане коренной проблемой, по справедливому замечанию автора, является понимание сути трех чинов приема в лоно Православной Церкви. «Здесь мы встречаемся с самым, быть может, удивительным парадоксом — когда каноническая практика Церкви вступает в видимое противоречие с ее догматическим учением» (с. 15). Далее весьма подробно на основании доклада митр. Минско-

го и Слуцкого Филарета на Юбилейном Архиерейском Соборе 2004 г. разбираются основные взгляды русских (за исключением архиеп. Никодима Милаша) богословов на вопрос о трех чиноприемах Православной Церкви. Разбираются аргументы архиеп. Никодима Милаша, прот. Георгия Флоровского, прот. Николая Афанасьева, прот. Сергия Булгакова и проф. А. В. Карташева, свщмч. Илариона (Троицкого), патриарха Сергия (Страгородского). Сравнивая основные тенденции в понимании трех чиноприемов, автор приходит к выводу, что с богословской и святоотеческой точки зрения позиция патриарха Сергия и о. Георгия Флоровского является наиболее четкой и проработанной. Диссертант разбирает истолкование 1-го правила свт. Василия Великого патриархом Сергием, рассматривает его взгляд на инославную евхаристию и вопрос восстановления полного общения с Церковью. Автор делает важное заключение об убедительности доказательства патриарха Сергия серьезных догматических оснований классификации инославных исповеданий по трем чиноприемам. «Нетрудно убедиться, что теория, предложенная патриархом Сергием, гораздо лучше объясняет и согласовывает между собой церковное учение и каноническую практику Церкви» (с. 33). Установив, таким образом, принцип отношения к инославным со стороны Православной Церкви, автор рассматривает в историческом аспекте документы РПЦ по вопросу границ Церкви. Важным и актуальным представляется разбор причин решения 1948 г. о вступлении РПЦ в ВСЦ. Автор трезво и взвешенно подходит к решению Московского Совещания (с. 38). Весьма важно, что автор подробно и с привлечением первоисточников разбирает решение Священного Синода РПЦ от 16 декабря 1969 г. о невозбранном допущении к Святым Таинствам старообрядцев и католиков в особых случаях. Разумным видится приведение в качестве основного объяснения высказывания протопресв. Виталия Борового и протокола заседания Священного Синода от 29.07.1986 г. в связи с отменой данного постановления (с. 44).

Далее автор разбирает межправославные заявления относительно прозелитизма и унии, фактически не комментируя приводимые цитаты.

Вторая часть работы посвящена разбору документов Католической Церкви по вопросам церковного единства. Здесь, в отличие от первой

части работы, автор разбирает вопрос границ Церкви (уже для католического самосознания) начиная с 1054 г. и приводит основные документы Католической Церкви в их исторической последовательности. С достаточной степенью подробности диссертант останавливается на энциклике «*Mortalium animas*», за которой признает формальную схожесть с православным учением, но делает важное замечание о коренном отличии энциклики в плане вероучительной непогрешимости папы, что делает ее несопоставимой с православным учением о Церкви. В дальнейших разборах энциклик и посланий автор также подчеркивает существование тезиса о папском примате как принципиальное расхождение с православным вероучением.

Подробнейшим образом рассматриваются документы II Ватиканского собора: «*Lumen gentium*», «*Orientalium ecclesiarum*» и «*Unitatis redintegratio*». Здесь автор также подчеркивает принципиальность папского примата, но также и отмечает изменения в вопросе о границе Церкви на II Ватиканском соборе. «Как и Русская Православная Церковь в «основных принципах отношения РПЦ к инославию», II Ватиканский собор не рассматривает отпавшие от католического единства церковные общины как полностью отпавшие от благодати Божией» (с. 77), при этом отмечается и важность термина *subsistit in* для понимания сути католического учения (с. 79). Важные цитаты приведены и по отношению к признанию таинств Евхаристии и Священства в Восточных Церквях. Автор делает вполне правильные и логичные выводы из разбора документов II Ватиканского собора. Впрочем, следует отметить определенную неуместность в данном контексте полемики автора с мнением А. Кырлежева (с. 92–93), которое, действительно будучи спорным, не имеет непосредственного отношения к разбираемому вопросу.

В отношении документов РКЦ, опубликованных после II Ватиканского собора, следует отметить разбор автором диалога РКЦ и Константинопольской Поместной Церкви, последовавшего после взаимного снятия анафем 1054 г. Также тщательно разбирается и Кодекс канонического права (с. 100–106). В обзоре документов понтификата папы Иоанна Павла II справедливо подчеркивается следование принципам II Ватиканского собора при явном раздвоении богословских суждений внутри РКЦ.

Обзор документов Международной смешанной комиссии по богословскому диалогу достаточно полно раскрывает имеющиеся разногласия и попытки их преодоления. «Главной проблемой на пути к единству по-прежнему остается учение о вселенском примате римского епископа» (с. 137).

Автор диссертации достаточно полно и объективно разбирает все важнейшие документы, имеющие отношение к вопросу о границах Церкви и церковного единства как со стороны РПЦ, так и со стороны РКЦ. Автор проделал существенную исследовательскую и аналитическую работу, фактический материал представлен весьма полно. Следует отметить и самостоятельность исследования — диссертант приходит к совершенно правильным и укорененным в церковном учении выводам. Диссертация имеет прозрачное и логическое построение, заключения автора всегда следуют из представленного фактического материала.

Преобладающая цитатность в работе хотя и может быть рассмотрена как минус, но сама тема исследования вынуждает автора к такому формату, а логичное построение цитируемого материала лишь способствуют раскрытию темы работы.

Как определенную особенность диссертации следует отметить обращенность автора исключительно к русским переводам католических текстов, что вполне может быть позволительно в дипломной работе, но представляется несколько странным в исследовании, претендующем на научность.

К минусам следует отнести цитацию текстов не по первоисточникам — даже и переводным, — а по вторичным источникам (к примеру с. 57, сноска 176; с. 98, сноска 365; с. 119, сноска 488). Также неуместным в научной работе видится достаточно экспрессивный характер нескольких высказываний автора (с. 111 и 139).

Несмотря на указанные замечания, в целом работа представляет собой завершенное научное исследование, автор которого изучил поставленную проблему с тщательностью и знанием, достойными приговора высокой степени кандидата богословия.

7.2. ОТЗЫВ преподавателя А. А. ЗАЙЦЕВА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии священ-

ника Вадима СУВОРОВА по кафедре Богословия на тему: «Новейшие документы РПЦ и РКЦ по вопросам границ Церкви и церковного единства»

Вопрос о границах Церкви и церковном единстве является одним из самых актуальных и вместе с тем одним из самых проблемных в современном христианском богословии. Обращение к данной теме имеет большое научно-богословское и церковно-практическое значение.

Автор рассматриваемой диссертации, на наш взгляд, справился с поставленной задачей. Работа свидетельствует о достаточной церковно-научной самостоятельности соискателя. Она написана в целом безупречным языком. Текст хорошо структурирован. Содержание заявленных в названии темы документов изложено адекватно. Каждый из них серьезно проанализирован и получил взвешенную православную оценку.

Большим плюсом является то, что в работе подробно рассмотрены и все новейшие документы РКЦ, относящиеся к понтификату действующего папы Бенедикта XVI. В приложении дана хронология всех документов с указанием страниц текста диссертации, на которых о них говорится. Т. е. данная работа, кроме прочего, представляет собой удобное справочное пособие по означенной теме.

Вместе с тем следует обратить внимание на отдельные частные недостатки диссертации.

Список использованной автором литературы неполон. В частности, даже не упомянут сборник статей «Христианское воссоединение. Экуменическая проблема в православном сознании» (Париж, 1933). Оценка взглядам прот. Сергия Булгакова по рассматриваемой теме дается на основании только одной статьи «У кладезя Иаковля», что не совсем корректно, так как позиция данного богослова неоднократно менялась³⁴.

Взгляды прот. Николая Афанасьева разбираются также на основании только одной, причем не самой важной его работы, и при этом без

³⁴ Это можно было проследить по следующим его работам: Очерки учения о Церкви. III: Церковь и «инославие» // Путь 4. 1926. С. 3–26; Una Sancta (Основание экуменизма) // Путь 58. 1938–1939. С. 3–14; Православие. Очерки учения Православной Церкви. Париж, 1964. С. 391–399.

внимания остаются более принципиальные статьи: «Границы Церкви»³⁵ и «Una Sancta»³⁶.

Не затронута русская литература конца XIX — начала XX в. по старокатолическому вопросу, который стал своего рода отправной точкой в развитии темы границ Церкви в современном православном богословии³⁷. Не разобраны воззрения отечественного «родоначальника» либеральной точки зрения прот. Павла Светлова³⁸. Оставлены без внимания и некоторые другие источники.

Таким образом, глава 1.1 «Вопрос о границах Церкви в русском православном богословии» довольно фрагментарна и, по сути, представляет собой лишь «иллюстрацию» к докладу митрополита Минского и Слуцкого Филарета на Юбилейном Архиерейском соборе РПЦ. Самостоятельной исследовательской работы данной главе явно не хватает, что, к сожалению, несколько снижает общий уровень диссертации.

Тем не менее указанные недочеты не перечеркивают достоинств проведенного исследования. На наш взгляд, диссертация священника Вадима Суворова может быть оценена как отличная, а при внесении соответствующих корректив рекомендована к напечатанию.

8.1. ОТЗЫВ профессора Н. К. ГАВРЮШИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии священника Евгения ДРОЗДОВА по кафедре Богословия на тему: «Религиозно-эстетическая проблематика в трудах Института им. Н. П. Кондакова»

Рассматриваемая работа призвана заполнить определенный пробел, касающийся богословской оценки наследия целой группы искусствоведов, объединенных в 1920-е гг. в Праге Институтом им. Н. П. Кондакова. Работы Н. Е. Андреева, Г. А. Острогорского сыграли свое-

³⁵ Границы Церкви // Православная мысль. Париж, 1949. Вып. 7. С. 17–36.

³⁶ Una Sancta // Православная община. М., 1996. № 4 (34). С. 62–112.

³⁷ Например: Сергей (Страгородский), еп. Что нас разделяет со старокатоликами // Церковный вестник. 1902. № 43–45; Он же. К вопросу о том, что нас разделяет со старокатоликами // Церковный вестник. 1903. № 40–42.

³⁸ Наиболее полно они выражены в его работе: Светлов П., прот. Где Вселенская Церковь? К вопросу о соединении Церквей и к учению о Церкви. СП, 1905.

го рода роль связующего звена между известными сочинениями кн. Е. Н. Трубецкого, свящ. П. А. Флоренского и более поздними исследованиями Л. А. Успенского, В. Н. Лосского и др.

Автор выстроил свою диссертацию достаточно логично, рассказав о самом Н. П. Кондакове и его Институте, проследив научную биографию Н. Е. Андреева и Г. А. Острогорского и дав анализ их работ. Необходимо подчеркнуть, что в ряде случаев автор весьма придирчиво прослеживает аргументацию известных искусствоведов и не без оснований вступает с ними в дискуссию, как, например, на с. 41 и след.

В целом выводы исследователя о религиозно-эстетическом и богословском значении рассмотренных им трудов выглядят достаточно мотивированными и убедительными.

В то же время нельзя не заметить ряда недостатков данной работы.

Цитаты не всегда удачно с точки зрения грамматического согласования вписываются в авторское повествование. Не особенно привлекательными смотрятся транскрипции греческих слов русскими буквами (с. 50, 85).

Еще ряд мелких замечаний:

с. 31: вставить «а» в слово «иконографические»;

с. 456, строка 3 сверху: надо «обеих сторон»;

с. 60, строка 8 сверху: убрать «ерь» в слове «приносит». Здесь диссертант настолько буквально следует за текстом статьи Н. Е. Андреева, что возникает путаница, от лица какого «автора» ведется повествование;

с. 92, 2-й абзац снизу: убрать «ерь» в слове «удалит»;

С. 114, последняя строка: имена собственные надо ставить здесь в род. падеже;

С. 162: предложение обрывается на середине фразы.

В целом кандидатская диссертация иерея Евгения Дроздова соответствует требованиям, предъявляемым к подобным исследованиям, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата богословия.

8.2. ОТЗЫВ профессора А. Т. КАЗАРЯНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии священника Евгения ДРОЗДОВА по кафедре Богословия на тему:

«Религиозно-эстетическая проблематика в трудах Института им. Н. П. Кондакова»

Представленный на соискание ученой степени кандидата богословия труд священника Евгения Дроздова посвящен исследованию религиозно-эстетических проблем иконоборчества в трудах Н. Е. Андреева и Г. А. Острогорского.

Во введении автор обосновывает актуальность своей диссертационной работы недостаточной разработанностью трудов Института им. Н. П. Кондакова в современной научной литературе; важностью самой проблематики, исследованию которой посвятили свои силы его сотрудники — Н. Е. Андреев и Г. А. Острогорский, — проблематики, которая имела не только историческое значение и позволяет прояснить догматические, религиозно-эстетические и философские предпосылки иконоборческих споров, но и сохраняет свое значение в современных условиях в обсуждении проблем путей развития православного иконописания.

В 1-й главе кратко описывается жизнь и деятельность Н. П. Кондакова (с обзором важнейшей литературы), формирование кружка *Seminarium Condakovianum*. Во 2-й главе помимо работ Н. Е. Андреева обсуждаются вопросы, связанные с делом дьяка Висковатого, рассматриваются его воззрения и взгляды инока Зиновия Отенского, а также определения Стоглавого Собора, Собора 1553–1554 гг. В 3-й главе рассматриваются работы Г. А. Острогорского, в которых исследуются религиозно-философские воззрения сторонников иконопочитания и иконоборцев, их различное понимание иконы. В этой главе предпринята попытка восстановить исторический, богословский и религиозно-философский контекст иконоборческих споров и обсуждается проблема образа и первообраза в иконе. В заключении подводятся основные итоги работы. К основным можно отнести и высказанную автором диссертации мысль о необходимости дальнейшего изучения трудов Института им. Н. П. Кондакова.

Оценивая труд священника Евгения Дроздова, следует иметь в виду сложность, а вместе с тем актуальность темы, избранной для диссертации, большое количество многообразных источников (святоотеческих, религиозно-философских, исторических, а также исследований совре-

менных русских и зарубежных авторов — К. Шенборна, А. Безансона и др.), использованных для анализа сложнейшей проблематики иконоборческих споров; самостоятельный интерес представляют приводимые в конце диссертации в качестве приложения рисунки и тексты. Вместе с тем необходимо отметить, что диссертация священника Евгения Дроздова не лишена недостатков. По содержанию разрабатываемых проблем автор, справедливо подвергая критике иконоборцев, очень редко высказывает свою точку зрения по широкому кругу вопросов, связанных с пониманием иконы и иконописанием. Краткие выводы после обсуждения проблемы, затем — в конце главы и, наконец, в конце самой диссертации повторяют часто оценки, изложенные, в основном, в работах Н. Е. Андреева и Г. А. Острогорского. По форме трудно найти страницу текста автора в диссертации, которая не нуждалась бы в серьезной редакторской правке, некоторые предложения по этой причине понять невозможно, иногда приходится домысливать отсутствующие слова.

Несмотря на указанные недостатки, диссертация священника Евгения Дроздова заслуживает положительной оценки с присуждением ученой степени кандидата богословия.

9.1. ОТЗЫВ профессора В. М. КИРИЛИНА на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2005/2006 уч. г. священника Александра СИРИНА по кафедре Филологии на тему: «Агиографические труды святителя Гермогена, Патриарха Московского и всея Руси: Житие святителей Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев»

Рецензируемое сочинение посвящено обзору литературного наследия святителя Гермогена и специальному исследованию созданной им «агиобиографии» казанских подвижников, святителей Гурия и Варсонофия. При этом автор имеет в поле своего зрения и различные издания текстов, и рукописи из библиотек Москвы и Казани, и исчерпывающий круг мнений, принадлежащих отечественным историкам и филологам прошлого и настоящего, о чем свидетельствует обширная библиография, так что диссертант демонстрирует похвальную исследовательскую осведомленность и добросовестность. Значимость работы определяет-

ся теми историко-филологическими задачами, которые ставит перед собой исследователь, и теми итогами, к которым он приходит. В работе многое сделано впервые. Осмыслены все известные науке сведения и отзывы о «Житии святителей Гурия и Варсонофия»; представлены результаты собственных текстологических наблюдений над рукописной традицией бытования памятника; оценено его художественное своеобразие на фоне истории древнерусской литературы (житийной, летописной), его историографическая и духовная весомость; подготовлена его научно выверенная публикация по рукописным источникам; наконец, выявлены особенности литературной манеры святителя Гермогена, отличающие все его творчество. В целом наблюдения и выводы автора диссертации убедительны, и есть все основания считать последнюю полезным вкладом не только в историко-филологическую науку, но и в такой слабо развитый раздел отечественной религиозно-философской мысли, как агиология.

Интересными в работе представляются страницы, посвященные поэтико-повествовательной специфике исследуемого «Жития», которая, оказывается, была обусловлена принципом сюжетно-стилистического параллелизма в рассказе о святителях Гурии и Варсонофии, а также нарушением повествовательной однолинейности посредством введения в текст дополнительных сюжетов (о боярине Иоанне Застолобском, о его сыне Дмитрие и о свт. Германе Казанском) и собственных суждений автора как свидетеля и мыслителя. Содержательна глава диссертации о цитатах и литературных заимствованиях, сопровождающих повествование Гермогена о казанских подвижниках. Исследователь выявляет их источники, а также принципы и приемы цитирования, которых держался писатель, обогащая библейско-литературным материалом только эпизоды, которые соответствовали канону агиографического повествования, и ограничиваясь конкретно документальным изложением при описании сугубо исторических фактов. Значима глава, посвященная исторической ценности исследуемого памятника. Диссертант доказательно вскрывает связь агиографического повествования с летописными и актовыми материалами, обнаруживая их принципиальное различие относительно целевой установки. Древнерусского историографа интересовали факты внешнего свойства, отражающие собствен-

но ход событий. Напротив, агиографа — факты характеристического свойства, то именно, как происходили события, их духовный смысл. Поэтому жизнеописатель предпочитал лишь детали, сопряженные с ритуальной стороной дела, с поведением и переживанием участников происходящего, подчиняя законам агиографического повествования, стремление к документальности.

Все сказанное отмечает очевидные заслуги автора диссертации. Однако с сожалением следует указать и на некоторые недостатки в его работе. Прежде всего, это ограниченность использованных рукописных источников: вне внимания исследователя остались, например, фонды РГАДА, РГБ, БАИ и других архивов. Допущены странные промахи при описании сборников, содержащих списки исследуемого «Жития»: так, характеризуя рукописи ОР ГИМ (5 ед.), автор работы почему-то не указал на конкретные фонды или собрания, в которых они значатся под соответствующими номерами (с. 41—44). Похвально обратившись к проблеме агиологического осмысления исследуемого памятника и феномена духовного подвига его главных персонажей, диссертант, на мой взгляд, совсем недостаточно использовал гимнографические и гомилетические данные, в частности, текст «Службы святителям Гурию и Варсонофию», созданный свт. Гермогеном, и текст «Похвального слова» святым, созданный свт. Димитрием Ростовским, хотя оба эти текста ему известны и он их не раз упоминает. Должен, однако, признать, что мне как научному руководителю не пристало здесь предаваться жесткой критике диссертанта, ибо его недостатки — это мои собственные недочеты, а вот его успехи — это результаты его собственных усилий.

Работа все-таки состоялась. Думается, несмотря на отмеченные упущения, осуществлено интересное и нужное исследование. Диссертант в общем выполнил поставленные перед собой задачи. В целом написанная им диссертация отвечает академическим требованиям, предъявляемым к кандидатским сочинениям. Поэтому полагаю возможным оценить обсуждаемое сочинение как отличное и, соответственно, присвоить ее автору — священнику Александру Сирину — искомую степень кандидата богословия.

9.2. ОТЗЫВ доцента Н. В. КВЛИВИДЗЕ на кандидатскую диссертацию выпускника Московской духовной академии 2005/2006 уч. г. священника Александра СИРИНА по кафедре Филологии на тему: «Агиографические труды святителя Гермогена, Патриарха Московского и всея Руси: Житие святителей Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев»

Настоящая диссертация посвящена исследованию практически неизученного памятника литературы Древней Руси конца XVI в. — «Жития святителей Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев».

Важность и актуальность этого исследования обусловлена целым рядом факторов. Во-первых, автор жития — святитель и священномученик Гермоген — является одной из наиболее ярких и значительных фигур переломного и драматического периода в истории Русского государства. В личности святителя Гермогена глубокие духовные дарования сочетались с государственным складом ума и литературным талантом, что делало его прямым продолжателем традиций московских митрополитов XIV — середины XVI вв.

Во-вторых, текст «Жития», написанный очевидцем событий обретения мощей чудотворцев, обладает рядом особенностей, связанных с отражением в нем конкретных исторических реалий. Изучение этих литературных особенностей особенно важно в контексте русской агиографии второй половины XVI в. В-третьих, исследование данного памятника позволяет существенно расширить и обогатить наше представление как об особенностях жанра, так и об авторской манере писателя, оказавшего большое влияние на современный ему литературный процесс.

Автор диссертации ставит перед собой цель комплексного исследования «Жития Гурия и Варсонофия» в контексте русской агиографии XVI в.

Диссертация состоит из введения, 8-ми глав и заключения, снабжена библиографическим списком и двумя Приложениями, в которых представлены тексты полной и краткой редакций «Жития». Во введении автор делает историографический обзор, в котором полно и глубоко анализирует как литературоведческую научную литературу, посвященную русской агиографии, так и исторические и церковно-исторические

труды, в которых с той или иной мерой подробности освещается личность святителя Гермогена. Обзор предшествующей научной литературы позволил диссертанту сформулировать цели и задачи своего исследования.

В главе «Святой патриарх Гермоген как писатель» автор анализирует известные произведения святителя с точки зрения особенностей литературных приемов. Сопоставляя тексты различных произведений согласно принципам текстологического анализа, автор диссертации обнаруживает сходство в применяемых писателем этикетных формулах, в характере цитирования текстов Священного Писания, а также определяет специфику редакторской правки «Повести о Петре и Февронии», предпринятой патриархом Гермогеном, придавшей древнерусской повести канонические черты агиографического произведения.

В главе «Общая характеристика “Жития святых Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев” и сохранившиеся списки данного памятника» диссертант дает краткую характеристику жития в контексте биографических сведений об авторе текста, излагает биографии героев повествования, отмечая, что научного издания памятника до сих пор предпринято не было, а имеющиеся публикации не свободны от ошибок. Далее формулируются принципы воспроизведения текста полной и краткой редакции «Жития» в приложении. Глава завершается археографическим описанием 15 сборников, исследованных автором, содержащих «Житие».

В главе «Строение текста (архитектоника) “Жития святых Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев”», отмечая традиционность для этого жанра литературы трехчастной композиционной схемы, автор диссертационного исследования демонстрирует прекрасное владение аналитическим методом. Он дает четкую характеристику композиционным и риторическим особенностям текста, отмечает специфические стилистические черты произведения, а также выявляет структурное сходство с некоторыми агиографическими памятниками Древней Руси. Анализ текста и характеристика включений в него нетрадиционных эпизодов исторического характера выполнены убедительно, а само исследование, написанное живо и увлекательно, привлекает не только своим глубоким содержанием, но и прекрасной литературной формой.

В главе «Житие святых Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев» в контексте агиографической литературы» автор диссертации кратко характеризует особенности этого жанра на Руси и определяет место памятника в литературном контексте XVI в. Одной из важнейших особенностей произведения, по мнению исследователя, является постоянное присутствие автора в тексте повествования. Автор, как один из действующих персонажей повествования, излагает факты и дает характеристики лицам и событиям, отличающиеся акцентированной степенью достоверности. При последовательно выдержанных принципах агиографического жанра эта особенность придает «Житию» специфический характер. Следует также отметить рассуждения диссертанта о жанрах древнерусской церковной литературы, демонстрирующее владение научной литературой вопроса и содержащее много точных наблюдений и оригинальных замечаний. Наконец, следует отметить блестяще выполненный анализ поэтики произведения.

В главе «Цитаты и заимствования в “Житии святых Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев”» автор диссертации приводит результаты своего исследования использования библейских текстов, а также цитат из русской и переводной литературы. Отмечая более 30 случаев цитирования, исследователь анализирует выявленные примеры, различает различные способы цитирования, дает их оценку и определяет художественное и идеологическое значение этого средневекового литературного приема в творчестве святителя Гермогена.

Анализ биографий святых, изложенных в определенном художественном стиле, позволяет подойти к главной задаче агиографа — созданию, с одной стороны, исторически достоверного, с другой — идеально совершенного образа святого, т. е. подводит к задачам агиологии. Агиологический аспект «Жития» исследуется в следующей главе диссертации. Диссертант убедительно доказывает, что, ориентируясь на идеал святого епископа, традиционный и для византийской, и для русской иконографии, автор «Жития святых Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев» подчеркивает значение их апостольского служения как просветителей Казанской земли светом Христовой веры.

В последней главе «“Жития святых Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев” как исторический источник» исследователь отмечает, что

хотя главная цель жития — религиозно-назидательная, сам текст является богатейшим историческим источником и содержит обширный материал о многих исторических лицах и событиях. И достоверные исторические сведения, и манера изложения в житии перекликаются с летописными статьями, что придает исследованию памятника особую ценность.

Отмечая тщательность и разносторонность изучения «Жития святых Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев», нельзя не упомянуть и о ряде недостатков данного диссертационного исследования. Прежде всего, это несколько замечаний по форме, существенно затрудняющей работу с текстом диссертации. Например, отсутствие нумерации глав. Обширные введения историографического характера к каждой главе представляются не всегда оправданными. Они загромождают исследование большим объемом дополнительной информации, между тем как главная ценность диссертации сосредоточена как раз в анализе самого памятника. Сложная конструкция диссертации приводит также к ряду повторов в тексте.

Однако эти замечания не могут изменить в целом положительное мнение о диссертационном исследовании. Хочется особо отметить подлинно научный, исследовательский подход автора, свободное владение различными методами анализа, а также добросовестное отношение к материалу. Фактически данное исследование вводит в научный оборот новый памятник русской агиографии, всесторонне освещая одно из интереснейших произведений блестящего писателя и великого подвижника Руси — святителя Гермогена. Обзор сборников, содержащих «Житие», и приведенные в приложении тексты позволяют надеяться на научное издание памятника.

Работа А. Сирина соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям, а соискатель, несомненно, заслуживает присвоения ему искомой степени кандидата богословия.

10.1. ОТЗЫВ засл. профессора архим. МАТФЕЯ (Мормыля) на кандидатскую работу выпускника Московской духовной академии 2005/2006 уч. г. Ильи ЦЕЛОКОВА по кафедре Церковно-

практических дисциплин на тему: «Богослужбно-певческие традиции Большого Московского Успенского собора»

Работа представляет собой исследование, посвященное изучению богослужбно-певческих традиций Успенского собора. Состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и приложения.

В начале введения дается краткая история Успенского собора, затем приводится литература и источники, на основании которых написана диссертация. Среди материала, на основе которого написана работа, особое место занимают Чиновники Московского Успенского собора как наиболее ясные памятники внутренней богослужбной жизни собора.

Основная часть диссертации делится на два периода — Патриарший и Синодальный.

Патриарший период подразделяется на подтемы, из которых на первом месте выделяется вопрос об уставе Успенского собора. Следует оговориться, что устав Успенского собора полностью не изучен и требует дальнейшего очень глубокого исследования. В процессе исследования автор пришел к выводу, что со времен первых митрополитов московских, а затем и патриархов, в Успенском соборе действовал свой особый богослужбный устав, который можно назвать самобытным русским уставом. Два рукописных списка его имеются в ОР РГБ. Регулятором богослужения оставались Чиновники Успенского собора, согласно предписанию которых и совершалось богослужение.

В подпункте под заглавием «Богослужбные книги» рассматривается часть богослужбных книг из библиотеки Успенского собора, сейчас хранящихся в ОР ГИМ. Данные книги содержат в себе не только уставные службы, но и многие чины, практиковавшиеся в Успенском соборе.

Второй пункт первой главы имеет заглавие: «Пение в Успенском соборе». На основе архивных материалов приводятся свидетельства о пении за богослужениями причта Успенского собора, что являлось отличием и многовековой традицией Успенского собора. В подпункте второй темы отмечаются имена певших в соборе лиц.

В следующем, третьем разделе изложены все действия или чины, проходившие в Успенском соборе.

2-я глава диссертации под общим заглавием «Патриарший период» обнимает время примерно с 1700 года по начало XX в. Начинается глава с рассмотрения вошедших изменений в порядок богослужения Успенского собора. По пунктам излагаются все упразднения и нововведения в чин богослужения. Затем выделены в особые пункты вопросы о причте и богослужении в соборе.

В процессе изучения материалов была найдена рукопись нотного Ирмология Успенского собора. Его музыкальному и историческому анализу посвящены последующие третий и четвертые пункты работы.

Завершается исследование временем начала XX в., останавливая особое внимание на деятельности в Успенском соборе С. В. Смоленского, внесшего большой вклад в возрождение многих забытых традиционных мелодий Успенского собора.

В заключении отмечается важность полученных в процессе работы результатов, а также дается краткий анализ всей работы и отмечается ее полезность для интересующихся как богослужебным пением, так и исторической литургикой.

Следует отметить, что у основной части диссертации имеется и приложение. Приложение объемом 370 листов является перепечаткой рукописи нотного Ирмология Успенского собора, хранящегося в ОР ГИМ. Первая часть приложения состоит из подобнов на 1, 3, 5 и 7 гласы. Вторая — из песнопений Ирмология.

Автор заслуживает искомой степени кандидата богословия.

10.2. ОТЗЫВ преподавателя игумена ГЛЕБА (Кожевникова) на кандидатскую работу выпускника Московской духовной академии 2005/2006 уч. г. Ильи ЩЕЛОКОВА по кафедре Церковно-практических дисциплин на тему: «Богослужебно-певческие традиции Большого Московского Успенского собора»

Рецензируемое сочинение состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии и приложения.

Предметом исследования, по словам самого автора, «является изучение богослужебно-певческих традиций...» (с. 10).

Во введении, занимающем седьмую часть всей работы, дается краткая история Успенского собора, приводится литература и источники, на

основании которых написана диссертация. Особое место здесь занимают чиновники Московского Успенского собора, наиболее ярко освещающие внутреннюю богослужебную жизнь.

Основная часть диссертации делится на два периода: Патриарший и Синодальный.

1-я глава начинается с подтемы: «Устав Успенского собора». Здесь автор открывает новую страничку для исследований богослужебных знаков, характеризующих порядок служб, совершавшихся в Успенском соборе.

В следующей подтеме рассматривается часть книг из библиотеки Успенского собора, сейчас хранящаяся в ОР ГИМ.

Вторая подтема первой главы озаглавлена: «Пение в Успенском соборе».

На основе архивных материалов автор приводит свидетельства о пении за богослужением причта Успенского собора, причем исключительно знаменным распевом.

В третьей подтеме изложены все действия или чины, проходившие только в Успенском соборе. Этот раздел, интересный в познавательном плане, можно рекомендовать для издания в виде брошюры.

2-я глава диссертации освещает Синодальный период, когда богослужение Успенского собора претерпевало значительные изменения и сокращения. Светлым лучом в этом периоде упразднений целых богослужебных чинов был С. В. Смоленский, внесший большой вклад в возрождение многих забытых традиционных распевов Успенского собора.

В заключении дается краткий анализ всей работы и отмечается ее полезность для всех интересующихся.

Среди замечаний нужно обратить внимание на непоследовательность в написании слова «распев» и однокоренных с ним слов. Можно наблюдать, как на одной странице однокоренные слова пишутся то через букву «а», то через «о».

Подобное написание наводит на мысль, что автор, пользуясь различными источниками, следовал их орфографии (ср. с. 47, 51, 136). Если следовать правилам, принятым в 1956 г., то нужно писать в безударном варианте приставку «рас (раз)».

Характеризуя богослужение Успенского собора как в значительной

степени сокращенное, автор употребляет выражение «убогое» (с. 120). Подобное сравнение лучше заменить. Во-первых, такое суждение весьма относительное, во-вторых, предмет, подвергающийся оценке, требует соответствующих выражений, и, в-третьих, слово, кроме прямого своего значения, имеет смысловую окраску: положительную или отрицательную.

На странице 83 говорится, что действо «Страшного Суда», совершаемое перед Великим постом, после своего упразднения было заменено (с чем нельзя согласиться) новогодним молебном.

В третьей подтеме второй главы: «Мелодико-ритмический анализ Ирмология Большого Успенского собора» для большей ясности необходимо обратиться к записи нотного материала крюками. Рассматривая, например, ирмосы 2-го гласа (с. 136) с помощью крюков, становится ясно, что «полнота, богатство и распевность» напева Успенского собора зависит от фиты тресветлой, сохраненной (в отличие от синодального и ТСА) в Успенском Ирмологии.

На странице 138, рассматривая ирмосы 1-го и 2-го гласов с привлечением крюковой записи, правильнее было бы сказать, что распев Успенского собора более соответствует древней русской певческой традиции, чем все остальные, записанные линейной нотацией. Не распев Успенского собора отличается от знаменного распева, но синодальный (не говоря уже о ТСА) содержит в себе некоторые сокращения фит, лиц и кокиз (попевок).

Здесь можно обратиться к крюковым источникам XVII–XX вв., а также фитникам и кокизникам. Фита «тресветла» приведена у прот. В. Металлова в «Азбуке крюкового пения» (С. 69).

Приложение для права на существование требует тщательной проверки, ибо при беглом просмотривании видны явные недостатки.

Прежде всего, необходимо сделать оговорку относительно 3-го и 5-го гласов, написанных согласием ниже. Большим плюсом была бы оценена работа по расстановке лиг над нотами, что возможно, например, при сравнении с крюковыми образцами.

Замеченные недостатки не умаляют значение работы, которую можно оценить как хорошую, а соискателю присвоить степень кандидата богословия.